

И. А. Морозов, И. С. Слепцова

**СВИДАНИЕ С ПРЕДКОМ
(ПЕРЕЖИТОЧНЫЕ ФОРМЫ
РИТУАЛЬНОГО БРАКА
В СЯТОЧНЫХ ЗАБАВАХ РЯЖЕНЫХ)**

Смерть и воскрешение — древние мотивы новогоднего ряжения, которые занимали важное место во всей драматургии этого святочного действия. И не случайно, что, несмотря на весьма пестрый состав персонажей-ряженных, существенно различавшийся по областям, «покойник» встречался почти повсеместно. Обращает на себя внимание тот факт, что тема смерти в сценках с участием ряженого-«покойника» («мертвеца», «смерти», «белой бабы», «белухи» и т. д.) причудливым образом переплетается с мотивами женитьбы и брака. По-видимому, этим объясняется распространенность сценок с «мертвецом» не только на святочных игрищах, но и на посиделках, приуроченных к началу поста: «похороны тарканá» на «девичье заговенье» перед началом Филипповок, «похороны деда или Сидора» на масленицу, — а также к различным фазам свадебного обряда¹, не говоря уже о детских и молодежных играх в «оживающего мертвеца». Тень этого персонажа витает над многими посиделочными развлечениями и играми, начиная с «имок» или «жмурок» и кончая «ящером», «оленом» и вариантами игр в «горюна» или «столбушку». При ближайшем рассмотрении нетрудно выявить непосредственную связь с визитом «мертвеца» и его эротической аурой и большинства святочных и свадебных сценок ряженных, ритуального озорства и проч.

Ожидание «духов предков», возвращавшихся на землю в определенные календарные или особо значимые ритуальные моменты, связано со смешанным чувством страха, праздничного возбуждения и приподнятости. Атмосфера страха поддерживалась со стороны старшего поколения

при помощи запугивания и угроз, направленных прежде всего на девушек и детей (более ранние записи показывают, что такое же давление оказывалось на неженатых парней). Ватаги ряженных («куляшей», «белух», «окрутников», «кудесов», «шуликунов»), бродившие по улицам деревень, нападавшие на случайных прохожих, стучавшие в стены домов с такой силой, что падали иконы, нередко заглядывавшие в окна, извергая дым и искры изо рта, и т. д., вызывали самый искренний и неподдельный страх у любого «неверующего» и смельчака. Поведение «пришельцев» подерживалось и их необычным, «страшным» обликом (отсюда и нередко их название «страшные наряжонки»).

Вот несколько описаний «страшных наряжонков»: «Ходили куляшами — наредяцца в ряски [тряпье], худой пиджак, лицо завяжут платком, шалью — только глаза видать» (д. Биричево). «Куляши наредяцца в шумное [шубное, то есть меховое], с заплатами, рукава разные, на головах тюрики [остроконечные колпаки с рогами] да маски — и по деревне ходят по-под окошками» (д. Паново Кич.-Гор.). «В святые вечера ходили куляши — в полушубках, в туфлях на босу ногу, с бородой; лицо платком завязывали, чтоб одни глаза было видно; они в избе попляшут, а им за это роскоши дадут: конфет, орехов, пряников» (д. Рябьево, Панкратово)².

Весь наряд «страшных наряжонков» был построен на принципе «оборотничества»: переодевались в одежду другого пола (женщины в мужскую и наоборот), использовали необычные, порой несовместимые элементы одежды и обуви («рукава разные, шубу выворотят», «на одну ногу надевали лапоть, на другую катанок» [валенки], «на голове корзина или горшок» и, наконец, принимали «звериный» облик: «куляши выворачивали шубу и заходили в дом на четвереньках» (д. Маслово), «надевали колпак с рогами: набивали штаны соломой и приделывали к голове как рога» (д. Кречетово). Вообще все без исключения зооморфные персонажи ряжения относились к «страшным наряжонкам».

Широко были распространены и «покойники», бегающие по деревне. В д. Новосело парень с угольями во рту («покойник») бегал по избам, фукал на всех дымом и искрами, катал («котышкал») по земле и по полу детей и взрослых. Похожие «покойники» были и в д. Сергеево (Белоз.) и Сотозеро. В д. Калитино «покойник» в белой одежде и босиком бегал по избам, фукал огнем и прискакивал к тем, кто его боялся, опираясь одной рукой на того, кого пугал, а второй на батог. В д. Великая (Верхов.) и

Крутец «мертвецы» с головешками в зубах, в личине из бересты и белых покрывалах ходили по деревне на ходулях, а в д. Борисовская (Хар.) парни, обернувшись в простыни, ложились у дороги, по которой девушки отправлялись гадать «на кресты» [перекресток], и затем гнались за ними, изображая мертвецов. В д. Паново (Кич.-Гор.), Большое Харюзово ряженые — «пугала» или «пужала», одетые в длинные балахоны, слонялись на ходулях по деревне, наводя ужас на случайных прохожих и стучась в окна. Если наряженные подобным образом не забредали в дома, они могли накидывать на себя вывороченный тулуп (д. Трубовщина). В д. Надеевщина, Крадихино ходили по деревне на батогах «куляши» — только парни и мужики. «Сверху кафтан довгой, лицё шапкой прикроют, хто бороду сделает... или руки кверху свяжут, кто щчё накинёт и кланяецця. Кричали: «Манило, манило идёт!» — щчёб боелися люди, ребятишки»³. В д. Комлевская ряженые на ходулях назывались «великанами».

Устрашающий рост — одна из главных примет маски «белой бабы» или «смерти» — достигался различными приемами. Например, в д. Власьевская двое парней в длинных белых рубахах изображали «смерть»: один усаживался на плечи другому, причем лицо верхнего было разрисовано как личина. Так же ходили парни в д. Юрковская, только у обоих были приделаны к головам рога, а сзади прикреплены хвосты.

Пожалуй, наиболее распространенным способом урезонить не слишком прилежную пряху была угроза, что на Рождество или на святки ей «кикимора» («кулеши», «святъё») «нассит в кужель» [кудель]⁴. Детей на святки нередко запугивали, что «их куляши похватают». «Дети все боелись, убегали от кулесов. Было спрятываюцца: «Ой, бежат опеть кулесá,— говорят,— бежат кулеса!» — и в подполье улезут. Кулеса в избу придут и давай детей пугать: «Под лёд уташшу! Бабе-Еге снесу! В лесу заблужу! Вовкам стравлю!» — да вот эдак, ерунду вот такую. А те в подполье сидят, не шелóхнуцца» (д. Арганово). «Детей, чтобы они вечерами не бегали, пугали о Рождестве гуляшами: «От уже гуляш вас сохватает! Добегаите!» (д. Аистово)⁵. Можно предположить, что запугивание детей и девушек и различные экзекуции над ними, совершавшиеся некогда ряженными, отдаленно связаны с широко распространенными в древности обрядами инициации, сопровождавшими переход молодых людей в другую половозрастную группу. Эти

обряды у всех народов сопровождались переодеванием, изменением облика (например, при помощи татуировки, масок и т. п.), то есть с ряжением; причем «рядились» не только те, кого «посвящали», но и те, кто непосредственно руководил церемонией.

Вместе с тем визиты ряженных, а также сценки прихода и оплакивания «мертвеца», очень близкие по тональности к похоронам, сочетались с шумным, буйным весельем, пляской, эротическими намеками и жестами, припевками, наполненными самой нецензурной лексикой. Эти сценки, приближавшиеся по эмоциональному накалу и смысловому наполнению к настроению второго дня свадьбы, вклинивались в приподнято праздничную и торжественную атмосферу святочных игрищ с их подчеркнuto медленными хороводными играми, бесконечными хождениями «парочками», нарочитой демонстрацией нарядов и прочих достоинств девушек-невест, ожидающих появления своего «богосуженого-богоряженного». Во многих местах входящих в избу наряженок встречали специальными песнями. Чаще всего это были либо игровые хороводные (например, в Верховажье пели «Заиньку»), либо наборные песни. Интересно, что в д. Зуево, по свидетельству Соколовых⁶, наборную песню «Пала, пала порошица» пели «во время наряживания кудесами». Это указывает на прямую связь ряжения с посиделочными играми. В деревнях Верховажского и Тотемского районов каждый из пришедших наряженок непременно выполнял несколько фигур пляски или хоровода с присутствующими в избе девушками, то есть участвовал в игре с выбором и сменой пары, при которой «женихами» были ряженные.

В Архангельской области (с. Кулой), как пишет С. И. Дмитриева, девушек «выдавали замуж» за ряженных, пришедших с «лошадью»: «Когда лошадь выйдет, маскированные женятся... Им песни поют; они не открываются — маски не снимут. И ты не знаешь, за кого ты замуж вышла... Иная пять раз за святки женится. Ее опевают. Бывало, на Кулогоре, я видела, так очередь выстраивалась тех, кого женят. Поженят — они уедут, следующих...» В Лешуконском районе сохранились уже только воспоминания о том, что в святки в шутку «женились», причем старались сделать это так, чтобы никто не знал, на ком «женится»⁷. В д. Шожма инициаторами «женитьбы» выступали девушки-«нари́дихи», которые специально заходили в те дома, где были молодые люди. «Подойдя к парню и отвесив ему

поклон, иногда подав руку, ряженая заводит с ним разговор, который начинает примерно так: «Ваня, возьми меня взамуж». Парень охотно соглашается. Невеста расхваливает себя: «Я ведь девка хороша, и платья у меня много,— это все мое». Парень «щупает товар». Тут же начинаются писк и возня, доходящие порой и до ссоры. Впрочем, ряженные пользуются особым «покровительством закона»: обижать и раскрывать их нельзя»⁸.

Можно указать на многочисленные параллели этому святочному обычаю в играх, проводившихся на посиделках и игрищах, в том числе и с участием ряженных, например, на различные варианты жмурок («имецьком», «в попа» и т.п.), при которых водящий должен был «искать свою думу», то есть того, к кому испытывал симпатию⁹.

В большинстве случаев кульминационной точкой всей святочной мистерии была сценка, где в качестве главного действующего лица выступал «покойник». Естественно предположить, что именно он и являлся тем «женихом», вступление в символический брак с которым составляло главное содержание всего святочного празднично-обрядового действия.

Рядились «покойником» чаще всего парни или взрослые мужчины («пожилой мужик с бородой» — д. Подсосенье»), хотя иногда это могла быть и «нахальная женщина» (д. Пахтусово, Купалиха, Паршино, Заборье Тот.), часто одетая в «мужское платье» (д. Аксентьевская, Сергозеро, Федяево, Сафоново). Но все же предпочтение отдавали пожилым, бывалым людям: «Пожилые мужики это, так им не стыдно, не совестно» (д. Кононовская, Аверинская) — или отчаянным озорникам: «Один у нас был мужик — Тру́бкой его бранили. Трубкой. Ну уж он пожилой, а такой бессовестный був, Трубка — его и редили „покойником“» (д. Демидовская)¹⁰. Интересно, что в этой деревне вышеупомянутый Трубка исполнял все самые озорные роли при обходах ряженных; такие люди, склонные к клоунаде и шутовству, были в каждой деревне.

Довольно полное и точное описание сценки с ряженым-«покойником», типичной для Вологодского края, можно найти у С. В. Максимова. «Ребята уговаривают самого простоватого парня или мужика быть «покойником», потом наряжают его во все белое, натирают овсяной мукой лицо, вставляют в рот длинные зубы из брюквы, чтобы страшнее казался, и кладут на скамейку или в гроб, предварительно привязав накрепко веревками, чтобы в случае чего не упал и не убежал.

«Покойника» вносят в избу на посиделки четыре человека, сзади идет «поп» в рогожной рясе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадилом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымятся горячие уголья, мох и сухой куриный помет. Рядом с «попом» выступает «дьячок» в кафтане, с косицей назад; потом «плакальщица» в темном сарафане и платочке и, наконец, толпа провожающих покойника «родственников», между которыми обязательно имеется мужчина в женском платье с корзиной шанег или опекишей для поминовения усопшего. Гроб с покойником ставят среди избы, и начинается «отпевание», состоящее из самой отборной, что называется, «острожной» брани, которая прерывается только всхлипываниями «плакальщицы» да каждением «попа».

По окончании отпевания девок заставляют прощаться с «покойником» и насильно принуждают их целовать его открытый рот, набитый брюквенными зубами...

Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника «хоронить», а другая часть остается в избе и устраивает «поминки», состоящие в том, что наряженный девкой оделяет девиц из своей корзины «шаньгами» — кусками мерзлого конского помета¹¹.

Похожие сценки разыгрывались в вологодских деревнях вплоть до 50—60-х годов нашего века. Правда, существовали некоторые местные различия в церемонии прихода «покойника» в дом, в его наряде, поведении и т. п. Скажем, в одних деревнях «покойник» ходил из дома в дом самостоятельно, а в других его возили на дровешках или даже на телеге (д. Федотово), привязав к ним. Чаще всего «покойника» заносили в дом на одной-двух сколоченных вместе досках, на полáтнице (дощатом щите, служащем основанием для полáтей) или на скамейке, привязав к ним (например, в д. Середская, Тимонино, Ротово), чтобы «покойник» не упал или не убежал. Реже для этого применяли грубо сколоченное из досок подобие гроба (или, например, длинное корыто — д. Купалиха) либо даже настоящий гроб (Белоз., Верхов., Хар., Вожег., Тарн., Вытег.), носилки (д. Малыгинская, Аверинская, Данилково, Ереминская, Пустошь Вытег.), в том числе из коренника (коленника) — dna саней, сплетенного из ивовых прутьев (д. Пирогово, Самсоновская, Лисицинская), или полотно — «коленкóрово по́ртно», «посты́льно», иногда именно то, на котором веяли зерно (д. Горка Хар.).

Эти детали в той или иной степени отражают особенно-

сти реального похоронного обряда, нередко уже утраченные. Скажем, при похоронах тело умершего обычно клали на поперечную скамью. Это объясняет употребление скамьи в сценке ряженных. Носилки — архаическая деталь похоронного обряда, которая сохранилась на Русском Севере, например, у карелов. Ношение покойника на полотне в реальном похоронном обряде в описываемый период уже не встречалось, однако то, что эта деталь сохранилась при обходах ряженных в глухих деревнях Верховажского и Кирилловского районов и у старообрядцев Тарногского района, свидетельствует, что в старину такой обычай был распространен, видимо, довольно широко.

Наряд «покойника» также различался по степени архаичности. Чаще всего его заворачивали в «саван» — простыню, большое белое полотно, или просто сверху накидывали на него полотно. Встречаются упоминания о том, что накрытый покрывалом «покойник» был голым (д. Великодворская, Ростово, Халдынка, Климовская), хотя нередко под этим имелось в виду, что ряженный был в одной рубаше до колен, без штанов (д. Григоровская). Чаще всего упоминания о голом «покойнике» встречаются в деревнях Сямженского района. «Покойника» приносили голого и ставили в сутки, чтобы глядел вдоль по полу» (д. Самсоновская). Причем иногда внимание акцентировалось на половом органе: «„Покойник“ на скамейке лежит, инструмент то голой» (д. Новая Слуда); в других же случаях напротив: «Весь закрыт — только задница открыта» (д. Согорки), или: «Задница и перед голые — остальное закрыто» (д. Никулинская).

Чаще, однако, «покойника» наряжали как настоящего мертвеца: в домотканое нижнее белое белье — рубашу и портки. «Если женщина, то в женское платье, мужчина — в рубаше и подштанниках» (д. Горка Хар.). Причем эротизм этого персонажа подчеркивался демонстративно расстегнутой шириной (д. Ротово) или прорезами в самом неподходящем месте (д. Ростово), а также символическими обозначениями фаллоса: морковкой, торчащей из штанов (д. Бугра), либо «мужским или женским богом» на «иконке», которую клали ему на грудь (д. Аверинская). Во всех описаниях особо подчеркивается цвет наряда: «во всем белом набашон» [одег] — такой цвет, видимо, имела старая разнообразность погребальной одежды, которая некогда символизировала «одеяние предков»¹².

Одна из важных функций «покойника», как и иных пер-

сонажей, участвующих в «инициационно-посвятительных церемониях», — запугивание детей и девушек. Отсюда разные «устрашающие» детали его облика. Довольно часто упоминаются огромные репные или картофельные зубы, торчащие изо рта. Технология изготовления «зубов» была разной, но обычно они крепились на внешнем крае полукруглой пластины, которую ряженный держал во рту. Нередко для пущего устрашения в выдолбленную картофелину с «зубами»-прорезями клали уголек, и ряженный-«покойник» время от времени раздувал его, пуская изо рта дым и искры (д. Паршино Вашк., Калитино, Новоселово, Великая Тарн.). Иногда использовали папиросу: «Репные зубы редкие, меж ними сигарка: дак он вовнутрь дымом дышит» (д. Ромашево Кирил.) — или тлеющие лучинки.

Для этой же цели лицо, а иногда и весь наряд «покойника» обсыпали мукой, мелом или вымарывали сажей (д. Климовская, Пеструха, Середская). В д. Великий Двор (Тот.) «„покойник“ был весь умазан в сажу и тесто», а в д. Чеченинская — обсыпан сажей и мукой. В д. Пигилинская в облике «мертвеца» присутствовали все элементы устрашения: «„Покойник“ голый, лицо в саже, на нем перья налеплены». Интересно, что иногда «покойнику» подвязывали бороду (д. Подсосенье, Копоргино) и волосы из конского хвоста (д. Спирино), а нос перевязывали ниткой (д. Аксентьевская) или подвязывали ниткой к ушам так, что он казался вздернутым (д. Борисовская Хар.). В д. Марачевская облик «покойника» дополнял свиной пяточок, который он держал в зубах. Лицо обычно прикрывалось платком, сеткой или марлей, чтобы были видны зубы. Иногда, впрочем, оставляли открытыми губы или лоб. Характерно осознание окружающими этого облика: «Лежит как настоящий родитель» (д. Новец).

Кульминационный момент сценки с «покойником» — «отпевание» и «прощание» с ним. Тем самым создавалась атмосфера, напоминающая начальный (до венчания) этап свадьбы (голошение, причитание, обстановка скорби и прощания). Центральными фигурами здесь были, конечно, «поп» и «плакальщицы» («жена», «родственники» покойника). Возглавляли процессию «поп» с «дьячком», размахивая «кадильником» — кринкой с тлеющими и чадящими угольями, с брошенной сверху шерстью или пометом, иногда сушеными травами, серой, берестой, чтобы сделать чад как можно более неприятным. «Лампадочкой гридят —

мовтают кругом» (д. Подсосенье). Часто вместо «кадильника» махали подожженным старым лаптем (д. Кузьминская Кадуй., Великодворская, Аксентьевская, Середская). В д. Павловская иногда бросали в «кадило» табак, а в д. Дуброва — перец, чтобы заставить всех девок чихать. В д. Окатовская «старухи окуривали «покойника» травкой богородской (чабрецом)». В старообрядческих деревнях нередко применяли и настоящий кадильник («покаяльник» — д. Цибунинская), который специально выпрашивали у старух для сценки с покойником.

Любопытно, что в деревнях со значительной долей старообрядческого населения оплакивание устраивали как на настоящих похоронах. «„Покойника“ положат на постильно и охают: «О-ох! И те мене да посмотрю да я погляжу-у! / О-ох! И те мене за сүтоцьки да под око-о-шецько-о! / Да по брусовой-то лавоцьки. / Да на родново племенницька (или иная степень родства.— *Авт.*). / Да ты куда жо средівси, / Да ты куда наредівси? / <В> платице да не нарядное, / Да <в> платице умирально!» Зависяця платком, да и охат тут над йим... А хозяевов не заставляли прощация. Людно ить их ходит наряжонками, дак они и зачнут прощация: «Простишь ли, старой-де, меня, грешную?» — «Тибя Бог простит!» Вот и всё... Вот попричитают, попрошачуюцца, и опять понесли из избы-то» (д. Тырлынская — здесь «покойника» носили по всей деревне)¹³. Всерьез рыдали «причитальницы» и в д. Середская, Сергеево, Новоселки: «Цядо моё милоё, / Ты моё дитятко, / Да ты моё ненаглядное, / Да ты меня-то оставив, / Как травинку в полюшке» и т. п. В д. Клеменево над «покойником» убивалась «жена»: «Муж умер! Муж умер!» Нередко подчеркивалась плодовитость «покойного»:

Миленький ты мой,
Жаль мне тебя —
Сколько деток оставил!
(д. Пигилинская)¹⁴

В зависимости от степени «серьезности» оплакивания варьировались и тексты, которые распевал «поп» и «плакальщицы». Очень часто, например, пели «вечную память» — с большими или меньшими сокращениями и отклонениями от канонического варианта. Например, «поп» пел:

Святы Боже,
Святы крепки,
Святы бессмертный,
Помилуй мой!

Вечная память (2 р.),
Помянуть за упокой,
Человек-то был какой!
(д. Борисовская Кирил.,
Клеменево, Часовное,
Лисицинская, Федяево,
Горка Хар.)¹⁵

вар. 1: Вечная память, (3 р.)
Бесконечная жис<т>ь! (3 р.)
Упокой, Господи, душу нашу,—
(д. Фоминская Верхов.)

вар. 2: Человек он был какой — (3 р.)
Со святыми упокой! (3 р.)
Мать его ети,
Более такого не найти.
(д. Павшиха)

вар. 3: Со святыми упокой, (3 р.)
<А> мужик-то был какой.
(д. Ваулиха)

Господи Иисусе,
Вперед не суйся,
И сзади не оставайся,
И во середке не забывайся.
(д. Сергозеро)¹⁶

А вот, например, довольно эмоциональное и выразительное описание «отпевания покойника» в д. Дягилево:

«На скамью ево повалят, подушку положат, тут ховстинки постелят. Вот ево снаредят, он и лёгёт, руки на груди. Лежит — маленькая иконоцька у ево на руках. Ховстинкою ево и прикроют, принесут, откроют. Он лежит, защу́рився — как вот это утерпят, не рассми́ецца — вот мы над этим дивилися всё, как вот лежит?..

Как толькё приходят, поставят ево, «поп» сразу:

Православному царство небесно,
Православному царство небесно,
В дальнѣю путь провожаем.
Быв, да не стало,
Умер, да не жало<к>.

Окаянному ему царство небесно!
В далнѹю дорожку.
Туда-от тут выход широкой,
Оттуда выходу нету.
Окаянному ему царство небесно!

А кругом-то и ходит, а и кадит; а там угольѣ накладено,
да накладено моху сухо, дак он тлиѣт, горит.

А веть сделано-то на ём этот, как риза — были из ховстины эти, у стариков-то, как пальто, а оно из одной ховстины из товстыѣ эдакоѣ. Дак он и опояшецѣ, а эдак вот накинѣт на себя-то, а здись-то застигнѣт-то брошку, дак и рукава-то полохаѹюще. Дак ить хохотанья-то, смеху-то! От попритворѣеце-попритворееце, покадѣт-покадит — этово уносят: «На<д>о нести на кладбишшо!» В другу избу переносят»¹⁷.

В д. Цибунинская, Пеструха, Липин Бор пели «Господи, помилуй», добавляя «кто чево сумеет смешное»: «другой раз и матюки заворотят» (д. Пеструха). Брань в таких ситуациях некогда выполняла магическую роль: считалось, что она отпугивает всякую нечисть, предохраняет, в частности, участников церемонии от последствий опасного для них контакта с мертвецом. Второй возможный смысл брани близок к функциям битья: карпогоническая магия, а также своеобразное «оживляющее» средство¹⁸.

В д. Борисовская (Хар.) «поп» при отпевании перечислял жителей деревни (в деревне насчитывалось 104 дома), выбирая прежде всего тех, кого за что-либо недолюбливали, поддразнивали. «Свѣтѹшка Паша», например,— это женщина, которая ко всем обращалась «свѣтѹшка».

Начинаю с краю
Пармѣнушкову Раю,
Помяни, Господи, Аугѹсу,
Еѣнну дочь Текусу,
Маленькую Машу,
Поря дочную Сашу,
Свѣтѹшку Пашу.

Помяни, Господи,
Огафона Колоба́ху,
Зетя Фла́ху, [от имени Флавьен]
Жену Опонаху,
Онтропову Маху, и т. п.

Каждая строка этого пространного текста сопровождалась отборнейшими «матюками». Не отставали от «попа» и «плакальщицы»:

Ни доски бы тебе, ни гробу,
Да мать тебе ёбу¹⁹.

В д. Большое Раменье „покойника“ на скамейке заносят; те, кто заносят, дак поют:

Пресвятая Троица,
Трохалёва Олиця,
Руця Малора́менский,
Солоник Хвостовский,
Тыська Коргоземська,
Васенька Повговський,
Шолопа быв Большораменский,
Коростель Толкуня,
Больше вам ни хуя!²⁰

Очень близкий текст можно найти в книге братьев Соколовых, хотя там и нет прямых указаний на его употребление в сценке при отпевании «покойника».

Господи, помяни:
Трех Матрен,
Луку с Петром,
Дядюшку Захара,
Сашечку и Маню,
Починочнова Ваню,
Гришу Хомоськово,
Игнашу Притовськово,
Микиту Рогоськово,
Фиста Молодьсково,
Ваню Каличёнка,
Он же и Романёнка,
Митю колдуна,
Евдисея блядуна,

Помяни, Господи:
Дядюшку Трифона,
Старушку Ф.....,
Сидора да Макара,
Скривёна мать Захара²¹.

Такого рода «отпевания» напоминают игровые и «колядные» припевки с раздачей игрокам частей животного в святочной игре «в быка збираного» у терских казаков или при дележке туши быка, купленного молодежью вскладчину на «колядú», в Смоленской губернии:

...Ивановым рожки — житье при ў дорожки,
Краўчонковым рёбры — их детушки дрябны,
Андреевым вока — глядiть ў чарку глyбока,
Новику селязёнь — яго жонка кавярзёнь и т. д.²².

«Охранительный» смысл имела и замена имени. Например, в с. Липин Бор, отпевая «покойника», «поп» произносил: «Господи, помилуй / Усопшего раба (имярек)!» — называя при этом любое произвольное имя, что должно было отвести неприятные последствия «отпевания» от того, кто исполнял роль покойника. Примеров такого рода довольно много. Например, в д. Бугра «покойника, когда отпевали, называли придуманным именем — Олексутка какая-то». В д. Пигилинская, Лисицинская, Горка (Хар.) также «имя называли не свое — Сидор, Потап, Иван, Афанасий и другие». Любопытно, что некоторые из этих имен перекликаются с игровыми именами в других забавах и играх: Сидор, Афанас (Опанас), Фофан.

В д. Григоровская, Новоселки, Середская «поп», «дьякон» и «псаломщик» также пели разные неприличные прибаутки, а завершалось «отпевание» репликой: «Мёртвого (вар.: Помяни) за упокой, / А человек-то был какой. / Да и у-у-уме-ер!» В д. Зыков Конец, Никулинская «отпевание» завершалось припевкой: «Человек-от быв какой: / И с ногами, и с руками, / И с телёчей головой!» О характере остальных припевок можно судить, например, по таким текстам:

Покойничок, да умирайничок,
Умирав во вторничок.
Стали доски тесать,
Он и выскочив плясать.

Плясав, плясав,
Да и за нами побежав.
(д. Ереминская Верхов.)²³

Поп кадит,
А покойник-от глядит.
Поп отпоёт,
А покойник-от <в>стаёт.
(д. Сафоново)²⁴

Умер покойник
В середу (вар.: Ни в середу), во вторник,
Пришли хоронить,
Он на лавке лежит.

Умер покойник
В середу, во вторник,
Пришли хоронить,
А он глазами глядит.

Умер покойник
В середу, во вторник,
Пришли хоронить,
А он ногами шевелит.

Умер покойник,
В середу, во вторник,
Пришли хоронить,
А он сидя (вар.: на жопе) сидит.

Умер покойник
В середу, во вторник,
Пришли хоронить,
А он стоя стоит.

Умер покойник,
В середу, во вторник,
Пришли хоронить,
А он за нами бежит!
(д. Заречье, Точикино,
Трифоново)²⁵

В качестве «отпевания» мог применяться и текст, известный по «Заветным сказкам» А. Н. Афанасьева как

«Старческий стих» («Как у Спаса на новом / Архимандрит был новой»)²⁶. Отрывки этого стиха зачитывали при «покойнике» в Кирилловском и Сямженском районах.

Дивное чудо,
В монастыре жить худо,
Строители — грабители,
Архимандриты — сердиты,
Послушники — косушники,
Монахи — длинные рубахи,
Скотницы — до картошки охотницы.
(д. Малино)²⁷

Кривого игумена
Да не осердимся,
Да не пойдем за ним, (2 раза)
Да не пойдем ни к обедне,
Ни к заутрене...
(д. Гридино)²⁸

Были припевки и с явным шутовским уклоном: «Над кладбищем ветер свищот, / Все кустишки шевелит. / Сняв портишки нишчой дрищот, / С удовольствием пердит». Они нередко сопровождались рефреном: «Удивительно да усмешительно» (д. Мокиевская, Никулинская, Самсоновская)²⁹.

Оплакивание перемежалось шутивными диалогами вроде: «Милушка, о чём ты плачешь? — О муже. — На ково твой муж-то был похож? — На назёмные [навозные] вилы!» (д. Ромашево Кирил.)³⁰. Этот диалог представляет из себя сокращенный вариант популярной шуточной песни, которая могла исполняться во время оплакивания «покойника».

В д. Тарасовская сценка разыгрывалась следующим образом: «Приносят «покойника» на доске, ставят тубаретки. Этово целовека положат с этими досками, на тубаретки поставят. Ну вот, а тут много народу, полная изба найдёт. Которые стоят, везде, кругом обстанут. В комнате дак девки сидят, да, не много места. Ну, встанут. «Поп» наредивсе на себя накинув постилку. Крёст приделан на спине у етово «попа», из лучинок. Ну вот, «поп» приходит, встаёт к голове, тут кругом ево встанут. Ну вот, он и запекает:

— Баба ты баба, восударыня в лаптях,
Куда ты собираисси-то?

Это он потолще голос. А оне и запоют:

- На поминки, мой батюшка, на поминки.
- Баба ты баба, восударыня в лаптях,
На какие поминки-те?..
- Не знаю, мой батюшка, не знаю.
- Баба ты баба, восударыня в лаптях,
На ково он похож-то был?
- На вилы, мой батюшка, на вилы.
- Баба ты баба, восударыня в лаптях,
На какие вилы-те?
- На навозные, мой батюшка, на навозные.
- Баба ты баба, восударыня в лаптях,
Ево Вилантиём звали?
- Вилантиём, мой батюшка, Вилантиём.

Ну вот, это все пропоют и запляшут.

- Я стояла у собора у дверей,
Опоясал меня лентой а<р>хирей»³¹.

Н. А. Иваницкий, записавший эту припевку в конце прошлого века, указаний на обрядовую приуроченность не дает:

- Баба деревенская в лаптях,
Куда ты пошла?
- На поминки, мой батюшка, на поминки.
- А кого ты поминать-то пошла?
- Мужа, мой батюшка, мужа.
- А как у тя мужа-то звали?
- Не знаю, мой батюшка, не знаю.
- Да на что имя-то его похоже?
- На вилы, мой батюшка, на наземные.
- Так не Вилантий ли муж-то был?
- Вилантий, мой батюшка, Вилантий.
- Каким он промыслом-то занимался?
- Скрипошник, мой батюшка, балалаешник.
- Какие он песни по скрипке пел?

После этой части песни, исполнявшейся «протяжно», шли шуточные припевки, которые пели «быстро, с притоптыванием»:

Уж ты, Фёкла белая,
 Зачем глупо сделала?
 Раз, два, три, люли!
 Зачем глупо сделала,
 Горюна прогневала,
 Чёрного, горбатого,
 Горюна проклятого.
 Завсе вижу пьяного
 У Никахи в кабаке,
 В изорванном шубняке.
 Зеленое вино пьёт,
 Горюна домой зовет:
 — Ах ты, сукин сын мотушка,
 Всё ты пропил, промотал,
 Всё на картах проиграл!
 К столу овцу привязал.
 Журавля на маште взял.
 Журавли-то долгоноги
 Не нашли домой дороги,
 Шли стороной,
 Боронили бороной.
 Борона золезная,
 Поцелуй, любезная!
 (д. Печенга)

Далее, по свидетельству собирателя, шло «несколько строк не для печати»³². Обращает на себя внимание вторая часть плясовой припевки («Долгоноги журавли»), которую нередко напевали при встрече группы наряженок, входящей в избу.

В сценках с «покойником» могли обыгрываться и другие действующие лица. Так, между «попом» и «дьячком» иногда завязывался шуточный диалог: «Дьячо ты, дьячо, посмотри в окошко! Не идёт ли кто, не несёт ли что? — Идут мужики, несут по мешку муки: — Мине, Господи! — Дьячо ты, дьячо, посмотри в окошко! Не идёт ли кто, не несёт ли ч'о? — Идут мужики, несут дубину на попову спину. — Тебе, Господи!» (д. Карачево)³³.

В д. Гусиха вместе с «попом» приходила «попадья». «Поп» кадил на свою супругу, а остальные в это время пели:

Поп кадит кадилою,
 Сам глядит на милую.

Она баба модная,
Во святые годная³⁴.

Из всех этих примеров видно, что к концу «отпевания» атмосфера разыгрывавшегося представления становилась все более оживленной и раскованной, временами переходя в пляску и разудалое веселье. Вполне естественно появление и нарастание эротических и брачных мотивов, причем, как правило, в пародийном и сниженном варианте.

В 20-е годы в Кирилловском районе Вологодской области встречалось «венчание» всех присутствующих на игрище девушек с ряженым-«покойником», причем эта сценка вклинивалась в его «отпевание», после которого следовало «прощание с покойником» (девушек заставляли с ним целоваться).

Отметим, что отпевание нередко сочеталось с различными манипуляциями над фаллосом мертвеца: «„Покойника“ приносили. Заходят три мужчины в снопах сверху донизу: принесли, поставили — а там мужчина закрыт половиком. Они половик-то сдёрнули — а он весь голый. Дак девок заставляли целовать. Другой подойдёт да пошевелит это... Они принесли ведро с водой (со льдом) и с полатей хлестали да отпевали его с матюками» (д. Лукинская)³⁵.

Такого рода церемонии обычно практиковались, когда «покойника» приносили на игрище.

Заканчивалось «отпевание» репликой: «Идите с покойником прощаться» — или: «Надо с покойником проститься!» Сначала подходили «родственники»: «Прости, дядюшка! Прости, муженёк!» В тех деревнях, где нравы были не слишком строги, заставляли прощаться с «покойником» и остальных девушек: подтаскивали или подталкивали их к нему и заставляли целовать его в губы, в лоб или в уродливые «репные» зубы. Нередко девушек при этом поджидали всякие сюрпризы. Скажем, в одних деревнях «покойник» плевался в прощающихся (д. Кожинская, Середская) или «фукал» в них набранной в рот мукой (д. Пяжелка, Пондала). В других — колот целующихся с ним девушек взятой в рот иголкой (д. Мезенцево, Шарاپово, Пеструха, Ростово, Верхняя Горка, Калитинская). В д. Спирино «покойнику» делали своеобразные «усы» из иголок, которые торчали из-под покрывала в разные стороны, или клали на губы щетку («шчесть с гвоздем» — д. Владыкина Гора), поэтому «попрощаться» с ним, не уколовшись, было весьма затруднительно. Иногда строптивых

девушек вымарывали в саже, подталкивая их лицом к лицу «покойника» («приткнут, чтобы умазалася» — д. Подсосенье, Мосеево Тот.).

Тех, кто особенно упорно сопротивлялся, пугали розгой («вищей» — д. Мокиевская), подхлестывали свернутым полотенцем или соломенным жгутом (д. Середская — здесь «покойника» носили женатые мужики). Иногда такая участь поджидала каждую девушку, пришедшую «попрощаться»: «А нёшо лапцем-то бькнут по спине-то девку-ту, которая наклонищи с «покойником-то» прощачици-ту... В лапоть камешок положат. Один целовек-от стоит всё времечко. Дак ты не досадила никому, дак несильно хлопнут, а как досадила, дак и посильные» (д. Фоминская Верхов.)³⁶. В д. Середская, «кто наклонище поцеловать, ту били ремнем». В д. Горка (Тарн.) «поминание» заключалось в битье картофелиной. Те, кому было страшно, откупались пряниками, конфетами, вареными яйцами, иногда и вином (д. Спирино).

Если «покойника» приносили не одетым, девушек могли страшить и его видом. В д. Григоровская, Климовская «как отпоют, открывали крышку гроба, а там мёртвый без штанов, лицо закрыто тряпицей. Девки кто смеётся, кто плюётся»³⁷. Потом крышку закрывали и уносили гроб в другой дом: так ходили на вечерки, но могли и в дом принести, «если хозяйин пирогов или яиц даст». В д. Подсосенье, если хотели посмущать «прощающуюся» девушку, приподнимали ненадолго перед ней покрывало, под которым скрывался «покойник» (голый или в «трунине», то есть в рванье). Иногда саван делали полупрозрачным (д. Ростово, Халдынка) или заменяли его сетью (д. Колтыриха), чтобы при приближении можно было рассмотреть необходимые подробности.

Реже целовали «иконку», лежавшую на груди «покойника» (д. Фоминская Верхов., Федяево), на которой «рисовали Бога» («мужского рода надо изображение, потому как мужик» — д. Аверинская). По более подробным описаниям нетрудно убедиться, что «мужской Бог» больше напоминал фаллос («кружочек и к нему две палочки»). Закономерно в этом ряду и появление еще одного варианта: «Мама рассказывала, что носили «покойника», голого, и девок тащили его целовать. Задницей сверху положат и несут на носилках (весь закрыт, только задница открыта): «Поцелуй родителя!» А девки на пол свалются и держатся друг за друга, не идут целовать» (д. Согорки)³⁸. Подобная замена (задница — икона) встречалась и в некоторых вечериночных забавах. В д. Волоцкая прощающиеся клали на грудь «усопшего»

мелкие деньги (на настоящих похоронах эти деньги использовали для устройства поминок).

В д. Ногинская и Фоминская (Верхов.) девушек с завязанными глазами по очереди подводили к «покойнику» и «заставляли целовать, что подставят». Правда, по утверждению очевидцев, подобные «шалости» устраивались только на средних вечеринках, а «старшие себе таких забав не позволяли». Однако эротические забавы, вплоть до 30-х годов нашего века сохранявшиеся на святочных игрищах в Сямженском районе, показывают, что такие «шалости» некогда были распространены гораздо шире (хотя, по-видимому, не повсеместно). Ср., например, сообщение из д. Новая Слуда: «„Покойник“ на скамейке лежит, инструмент-от голой. Девку подтащат: «Целуй в лоб и инструмент!» Не поцелуешь — «коники» [ряженные «конем»] ремённицей нахлещут»³⁹.

Подобные сценки назывались «мерянием шелка». «„Покойника“ принесут на калиннике голого. Он лежит, а вокруг пипки-то нитки наматуют. Девку приведут: „Отмерь себе на платье да и откуси!“» (д. Гридино)⁴⁰. В д. Арганово, Ездунья, Новая Слуда «„покойника“ приносили, белово всёво. Он одетой, а это место вот открыто. На членот (на «курицю» — д. Кононовская) навьют ниток и кричат: «Шёлк, шёлк мерить!» Шёлк на «покойнике» мерили. Девкам скажут: «Прощайтесь! Ниточки откусывайте!» Гостью не тронут, своих заставляли: «Много ли надо метров на платье?» — отмеривай сколько-то четвертей. Кому три четверти скажут, кому четыре. (Эти вот, которые прицитают, говорят: «Много ли тебе аршинов надо?») Ты вот и отмеривай да откусывай у савово кончика. Вот шёлк мерить и начнут этак-то. Я вот не боялась — чево тутока. Подумаешь, ничё не пристанет откусить, дак. Меня не хлестали. А другие упрямяцца, так ну-ко ремнём-то эдак-то робята-ти и жарят, пока не откусишь нитку»⁴¹.

Иногда наматывали не нитки, а связанные в длинную ленту лоскутки: «Визкóв тут навьжут — лоскуточки всякие худые старые. Девоч-то и гонят тутока: «Ну-ко зубами оторви!»» (д. Аверинская). Причем часто как нитки, так и лоскутки были намеренно вымараны: «На мошню-то наматили ниток, а она вся вьцисто усцяна. Это-то место-то открыли, и намотано много-то, много-то ниток, которые штобы не роскусить» (д. Демидовская)⁴².

С забавой «шелк мерить» связана история о смелой девушке, которая заставила в своей деревне прекратить

подобные развлечения. «А от у нас была с Рёжи — Лидией звали, Лёдей. Тожо от у Лёкаси было игрышчо. Ево («покойника»-то) тоже повалили на скамейку и девку-то волокут, велят прикладывацце. А она ивкаёт да не берёт в зубы-те — ведь грязная тряпка-та, нецёстая. Да ведь и привязана-та куда? Никуда. Ну вот. А эта Ледя была храбрая девка-та. Она г<овор>ит: «Давайте-ко я!» Она булабочку взяла, да и ткнула ево туто-ка в цепура́ху, лиш<ой>, цево ли не знаю. Ох! Он, лишь, соскоцив да и убежав. Больше и выражацце не стали „покойником“» (д. Аверинская)⁴³.

А вот другой вариант этого рассказа из той же деревни. «Мужика положат на лавке — штаны спёхнёны. К шишке привяжут-от нитоцьку портя́ну, от столькё можот [чуть-чуть]. Дак от девки приходите и откусывайте от — «шовк привезён» дак. От накланяюцце и откусывают. А тут девка уда́ла нашлась, дак булавку положила в рот, да как шаркнула, дак сразу убежав «шовк»!»

Именно опасениями такого ответного озорства объясняется то, что покойника обычно окружала верная охрана, бдительно следившая за подводимыми девушками. Интересно, что девушек заставляли «целовать у «покойника» нижнюю часть» даже тогда, когда последний был обычным соломенным чучелом. Видимо, одним из вариантов этой забавы было и целование зада «покойника» (д. Никулинская). Все эти действия можно трактовать как пародийные варианты обрядового коитуса, выполнявшего одновременно «инициационно-посвятельную» и «оживляющую» функцию.

В д. Комлевская целовать «покойника» подходили лишь те, кто хотел рассмешить его; поэтому для этой роли подбирали самого терпеливого парня. В других деревнях «покойника» могли подвергать и болевым испытаниям, например, щипали (д. Кокино) или прижигали «цигаркой» (д. Григорово), а иногда и обливали водой: «Почерпни ковшик да облей, дак он тебя и задавит за это» (д. Коробицыно). Неудивительно поэтому, что окружавшая «покойника» родня всячески оберегала его от подобных выходок. Такое поведение так же, как и брань, было, по-видимому, направлено на оживление «мертвеца».

Если в одних деревнях «покойника», как и описано у С. В. Максимова, сразу же после «прощания» уносили, то в других сценка заканчивалась его «оживлением». Например, во многих местах (Нюкс., Тарн., Тот., Верхов., Сямж., Вожег., Хар., Вашк., Кирил., Бабаев., Вытег.) «покойник» в конце отпевания или прощания начинал «заподрыгивать»

(вскидывать то руку, то ногу), а потом вскакивал и гонялся по избе за девушками и детьми, ловил и катал их по полу («ребятишки все из избы убегут; он под конец уж и сам побежит за йими» — д. Федяево), иногда щипал девушек за плечи: «Так нащиплет, что в кровь руки!» (д. Починок). В д. Хмелевица вместе с «покойником» («голою, в белом во всём») приносили ведро с водой и веник. «Покойник» соскакивал с досок и, окунув веник в ведро, обрызгивал всех девушек (в д. Чеченинская так делал «поп»). В д. Пахтусово и Лодыгино «покойник» вскакивал, сдирал с себя одежду и мог опрыснуть сажей того, кто ему не нравился. В д. Борисовская (Хар.) «покойник» пачкал девушек мелом. Все эти действия имеют явную эротическую символику: «оживший», полный жизненной энергии «покойник» стремится передать ее окружающим.

Нередко эротическая идея передачи окружающим жизненной энергии «покойника» воплощалась в пляске «ожившего» мертвеца. Так, в д. Спирино «покойник», вскочив, старался поцеловаться с девушкой, за которой он обычно ухаживал или которая ему изменила, измазывая ее при этом сажей, а затем плясал с ней. Иногда «покойник» плясал со всеми девушками по очереди (д. Великодворская).

В Череповецком уезде в конце прошлого века была известна и еще одна концовка сценки с «покойником»: после отпевания его «хоронили» прямо в той же избе, где проходила беседа. Для этого вынимали половицу и опускали «покойника» в подполье, откуда он затем внезапно выскакивал в разгар пляски. Так же поступали в некоторых деревнях Кирилловского района: «„Покойником“ снаредят в белое, отпоют да в подполье спустят, как в могилу, на досках» (д. Оносово). Встречаются свидетельства, что «покойник» плясал в чем мать родила: «„Покойника“ принесут, откроют, а он голый. Тут девки заивкают. Мы его звали «милёнком». Когда он голый плясать пойдет, то говорит: «Не видали ли медведя с колоколом?» Колоколом называли то, что между ног находится» (д. Тимонинская)⁴⁴.

Мотив «медведя с колоколом» проясняет некоторые, иногда довольно неясные и отрывочные эпизоды в сценках прихода ряженого-медведя. Эротическая сущность этого персонажа, равно как и связь его с культами предков, достаточно известна и хорошо описана⁴⁵. Можно предположить, что он является стадийным предшественником «покойника» и также участвовал в святочной «женитьбе». Это тем более вероятно, что в свадебном обряде «медве-

дем» довольно часто называют жениха, его отца или дружку (то есть того, кто иногда в обрядовых ситуациях, например, в первую брачную ночь, заменял жениха), а «медведицей» — невесту, мать жениха, иногда сваху.

В святочных сценках с участием «медведя» фигурируют те же мотивы, что и в сценках с «покойником». В некоторых случаях «медведь» даже внешне выглядит так же, как «покойник». Скажем, в д. Беловская «медведя» привозили на санках, причем обе руки у него были в одном рукаве, а обе ноги — в другом, поэтому «медведь» не мог двигаться самостоятельно, а лишь, лежа на своем «лежбище», издавал разные странные звуки.

Вошедший в избу «медведь» непременно «знакомился» со всеми девушками и выражал свое к ним отношение (этот эпизод, по-видимому, можно условно соотнести со «сватовством» и «венчанием»). Так, в д. Слободка «медведь» (здесь им наряжалась женщина) обходил всех девушек, причем если девушка ему нравилась, то он похлопывал ее по плечу и шел дальше, а если нет, то хлопал ее по плечу и плевал на пол. Иногда сценку оживляли другие мелкие шалости: например, во время обхода девушек «медведь» мог гадить либо девушек заставляли его целовать (д. Фоминская Верхов., Федяево).

Так же как и «покойник», «медведь» запугивал девушек и плясал с ними вместе или в одиночку. Например, в д. Григоровская «медведь», войдя в избу, смешно «похрюкивал», а затем пел разные непристойные частушки. Под конец становился на «задние лапы», подходил к девушкам и делал вид, будто хочет на них броситься, а те «йфкали» [визжали].

В д. Дивково «медведь» не пугал девушек, а только кланялся им под руководством двух поводырей, один из которых вел его на поводке, а второй, с палкой в руке, шел рядом. Впрочем, в этой деревне для устрашения девушек также принимали меры: приделывали к «морде медведя» некое подобие «клыков». В заключение сценки «медведь» плясал, отбивая ритм привязанными к ногам деревянными тарелками, которые изображали «задние лапы», и наигрывал себе на гармошке.

Очень часто все эти эпизоды завершались кувырканием и катанием по полу в обнимку с девушками, а также измазыванием их сажей, что, видимо, можно истолковать как пережиточную форму обрядового коитуса.

Так, в д. Григорово, Брызгалово, Чеченинская, Патракеевская «парни «медведем» наряжались и перекатывали

по полу девок». В д. Новая (Бабаев.), Паршино «медведь» хватал в охапку девушек и перекачивал их по полу или катался с ними сам. В д. Сергеево (Вашк.) «медведь» мазал при этом девушек сажей, которой были замазаны его «лапы» — рукавицы.

Чаще, однако, встречаются упоминания о запугивании девушек «медведем» («девок хватав за ноги, ворчав» — д. Мякинницыно; «рывкат, шчупат девок» — д. Холкин Конец) или о «задирании», тискании («девок ловит да мнёт, рукой начнёт хоботить» — д. Кузьминская Кадуй.; «ходив да пугав, рычав да махавси [то есть бросался]: сволокёт девку под себя» — д. Дуброва). Кого «мять», а кого помиловать, указывал «медведю» его поводырь (д. Середская, Пелевиха).

Иногда сценки с участием «медведя» больше напоминали игры с битьем девушек. Например, в д. Дресвяница, Новая (Верхов.), Скурилово ряженому «медведем» засовывали в рукава вывернутой шубы палки (поленья) такой длины, чтобы, опираясь на эти палки, можно было ходить не слишком нагибаясь. На палки ничего не надевали, а на ногах ряженого были катаники. Этот «медведь» плясал, пристукивая об пол деревяшками, потом хватал с лавок девушек, валил и мутузил их деревяшками («натовкёт до рёву»). В д. Великая (Верхов.) «медведями придут-от ребята. Дак которая, конешно, досадит, дак и намнут порядочно — ремёнкой попадёт. Циган с медведём придёт с ремёнкой, дак один (медведь) облапит девку-ту, а другой ремёнкой обожгёт».

В д. Суходворская «„медведь“ мазал девок мазью (сажи из трубы наботают) — которая не понравится. Ево девки уговаривали: „Медведушко, дедушко, доброхотушко!“»⁴⁶.

Похожую церемонию уговоров и задабривания «медведя» разыгрывали и в д. Данилково. Парни-ряженные, введя «медведя» в дом, командовали: «Ну-ко, девки, давайте, ходите вокруг, пойте песни!» Девушки становятся в круг и под пение песен («кто какую сможет») ходили вокруг «медведя». После каждой песни хором скандировали: «Дед-медведь! Дед-медведь! Дед-медведь!» Потом парни приносили чистой воды в чашке (подливали туда воды из бутылки) и хлопали по воде тряпкой, приговаривая: «Надо медведя спрыснуть!» — хотя все брызги летели на девушек⁴⁷.

Вожделение хоровода вокруг «медведя» и диалоги с ним в большинстве сценок связаны с пародийным изображением

манер и повадок женщин, девушек и детей: «медведь» показывал, как бабы блины пекут, девушки румянятся, дети за горохом лазят и т. д. Приведем описание такой сценки, сделанное С. Дилакторским в Двиницкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии в конце прошлого века. «Очень популярна и весьма часто практикуется сценка с медведем и вожатым. Тот, кто желает изобразить из себя Михаила Ивановича, надевает себе на ноги рукава от шубы, вывороченной наизнанку, и опоясывается, чтобы шуба не распахивалась и не сваливалась, а лицо свое дочерна пачкает сажей и, наконец, на шее завязывает один конец веревки, другой конец которой держит в руке вожатый, у которого в другой руке имеется длинный шест. Когда медведь с вожатым являются в какую-нибудь компанию, то начинается следующее сценическое представление.

Вожатый:

А ну-ка, Мишенька Иванец,
Родом Казанец,
Не гнись дугой,
Как мешок тугой,
Развернись, встрепись,
Добрым людям покажи:
Как маленькие ребята
Горошек воровали,
Где сухо — там брюхом,
Где мокро — там на коленочках.

Медведь ползет на брюхе, а затем идет на четвереньках.

Вожатый:

А ну-ка, Мишенька Иванец... и т. д.
Как теща при зяте
Блины пекла,
А сама угорела?

Медведь делает соответствующие движения передними лапами, показывая этим, как теща пекла блины зятю, а потом наклоняет голову набок, подпирает ее лапой, падает и катается по полу.

Вожатый:

А ну-ка, Мишенька Иванец... и т. д.
Как конные дрягуны [драгуны]

В поход ходили,
Ружья метали?

Вожатый подает медведю тот шест, который у него в руке, а медведь делает примерные экзерциции с этим шестом, как с ружьем. Затем по команде вожатого: «Раз! Два! Раз! Два!» и т. д.— медведь марширует, идя на задних лапах, и играет на ходу ружьем.

Вожатый:

А ну-ка, Мишенька Иванец... и т. д.

А как прежде на барщину ходили?

Медведь идет нехотя, едва переступая с ноги на ногу, крайне медленно.

— А как с барщины обратно? — Медведь быстро бежит»⁴⁸.

«Вожатый идёт с верёвкой, маленькие ребята кричат: «Медведя ведут!» Вожатый посреди избы сядет да верёвку мотаает в круг; верёвка длинная, на всю деревню — пока передёргают [веревку], всю избу выстудят. А конец может пустой или «медведь» — на четвереньках в избу идёт; девок лизёт обнимать, целовать. Вожатый [ему] скажет: «Ну-ко маленьких ребят похватай!» или: «Выведи-ко из избы таково-то!» — он и выведет» (д. Малое Коровино, Пянобово, Тимонино)⁴⁹.

«„Медвйдь“ ходив. Верёвки до-овгие-довгие. Вот ён ковды повзёт, двери всё и по́лые. Не смеем ничё и сказать. При́дет. При́дет: «Ну-ко, миша, покажи, как дрова катают». И начнёт бегать, скакать, да это — с лавок спéхивать. Девки, девки. Девки да заре́вйм, да забегаем. А бежать не дают, дёржат — ён схватит да на пол де<в>ушку. Вывернесся, вывернесся — рукавицы сажные, тпннет дак» (д. Панино)⁵⁰.

Однако есть основания предполагать, что этим шутилым интермедиям некогда предшествовали сценки с более грубым эротическим содержанием. Скажем, в д. Глухарёво визит «медведя» проходил так. «Ну, сделан настоящий медведь — голова и всё приделано, лапы и всё... И арканчик оденут, кольцо приделают — ожерёлок. Заводят ёво, глядят: «Мишенька, иди!» — там всё это. «А-а, мишка, ты это, потанцуй!» Дак станет, дак жопой потрясёт, да и всё. Ну там ещё што: «Ну, поговори с нами, как!» А он: «Ох, ох!» — таким голосом. Кто конфетку даст, хто чево. А рука-та эта у

ёб ходит свободно, рукава-та широкие. Ну, как поросёнок, снизу захватывают, а мы ёму положим. Ну, посмियाлись — это тут-то смешно. А это покатается там или що чиё — ну, как чиё скажут, этот, хозяин-то. Ну, а потом. Ну, э: «Мишенька, постой, постой, покажи-ко хуй толстой!» — вот этикие ищю приговаривали, а как же». За неисполнение просьбы «медведю» обещали «дать тумака»⁵¹.

Сценки такого рода очень близки к демонстрации обнаженного «покойника». Эта аналогия становится особенно очевидной в финале «медвежьей комедии» после того, как разыгрывались сценки «убиения медведя» (то есть, собственно, превращения его в «мертвеца»), его «шкура́ния» и «продажи медвежьей шкуры».

«От у нас «медвѣдя» водили, дак тоо продавали. Он в шубе, «медвидь-то», а верёвок-то дак, наверно, метров триццать наматают. На верёвке тянут «медвидя». Вот хто ведёт продавать «медвидя», значит, те и тянут. Говорят, что: «Иди, иди», — там, понимаешь, тянут. «Медвидь» упираецца, не идёт. А двери по́лые, дак выстудят и в избе. Потихоньку так и мотают верёвку. Вот наматают. Я сам во́жував. Притащили, там средѣлись продать. Ну, там сря́дяцца, значит, ценой сойдуцца. Значить, нада бить, шкура́ть. А там у «медвидя» кринка, кринка глиняная. И вот тут, значить, у одново топор за кушаком. Этово «медведя» по кринке: раз! Эта в черепки кринка. «Медвидь» пав, надо «медвидя-то» шкурать — пав «медвидь». Ну. А шуба вывернута на леву сторону. Вот шубу розвёрнут, росстѣгнут да и снимают — вроде и шкурают. Ну, а все вѣть глядят эти, девчонки там. А расстѣгнѹт шубу, а он голый» (д. Пиньшино, Ваномзеро)⁵².

Часто убитый медведь выскакивал из шубы голым и убежал за дверь, а девушкам продавали уже пустую «шкуру». «„Медвидь“ ходит, мырцит, потом скажут: «Давай медвидя убьём и станем шкуру продавать!» — обухом топора по голове, нето стрѣлят ружьём, он упадёт, да и всё. Шубу-то с ёво сдѣрнут, целовек-от убежит, а шкуру-то и станут продавать. Шуба лежит, девки по очереди подходят, [одни робята говорят]: «Сколькѣ стоит?» [А другие] цену говорят, которая девка цѣво стоит, — мо<ж>от, пять рублей, десять, пятнадцать. Ййии и лупят. Которая девка как досадила йим, так и побольше хлестакѡв. Жгуютом из верёвки бьют — если девка заносицце. Всех переберут. А которые как гулели робята с девками, дак от девку-то возъмѣт, поса́дит, да сѣдет на колѣни к ей:

Нициво эта не «стоит!» — дак она и не пойдёт туда, ей и ни посчитáеце» (д. Аверинская)⁵³. Иногда больше ударов получала девушка, назвавшая меньшую цену, то есть ценящая себя мало (д. Демидовская).

Необходимо отметить, что существовали еще сценки с персонажем, одновременно напоминающим и «покойника», и «медведя».

Например, в д. Федяево: «Было за верёвку все ташшát, а двери полые. Потом какво зверя привяжут, каку-то чучелу, дак все и убегут с беседы. Или тянут таково — только место это [срамное] закроют, рубаха без рукавов, на лице маска, да нос из редьки сделают, да покрасицца, волос копну сделают — не узнаешь»⁵⁴.

В Вожегодском районе был известен персонаж, которого называли «Парамóном» или «Устíном», сочетавший в себе многие черты облика «покойника» и «медведя». Характерно амбивалентное восприятие этого персонажа носителями местной традиционной культуры. «У нас «покойника» тянули. Весь в белом, белом, и тянули. Когда тянут, так все хохочут. Потом притянут, и «покойника» в избу заносят». — «А у нас, дак Парамона [говорит мужчина из соседней деревни]. Всё в избе выстудят. Его на санках и заносят. С санками вмести занесут, да: «Узнавайте, кто?» А как узнаешь? Весь-от закрыт. Так и не узнавали, пока не откроецца. А другой раз и не откроецца, убежит» (д. Быково, Ануфриевская)⁵⁵.

«Ну, вот Парамона нарédят, в общем, шубу вывернут и човека одíнут (Парамон или хто медведем назовет — хто как). И етово Парамона волокут за верёвку длинную: двери откроют, штобы у хозяев выстудить в избе. Вот и волокут ево за эту, верёвку, пока не заташшат в комнату. Он уш тут-то идёт на коровках, вот так, на цетвереньках. А на беседе-то, может, лапкой-то ково-нибудь и похлопáет по колену. Походит по избе, обратно уходят в другое место... По избам водили — у кого большая семья» (д. Бор).

«Парамона водили: дверь откроют, на ужище ташшут. Длинные веревки: «Выстудите всё в избе!» — «Ничево, он вас согрíёт!» Чучело заволокут. Он упираецца: «Иди, не бойся!» Человек — не человек, мешок — не мешок. Сто одёжек навяжут, широкие штаны с сеном. Выпросицце ночевать, роздевацца станет до нижней одёжи — всем работы хватит! Лицо закрыто сеткой. Ноцевать оставят: ак он всех нагрив, работы дав, угощать станут — чай, пироги» (д. Бекетовская)⁵⁶.

В действиях этого персонажа просматриваются лишь смутные намеки на буйную и агрессивную эротику, характерную для «покойника» и «медведя» («лапкой похлопает по колену», «роздевацца станет до нижней одёжи»).

Однако «медведь», по-видимому, был не единственным зооморфным воплощением предка. Скажем, в д. Ереминская (Верхов.) наряжухи носили по домам в корзинке весьма своеобразного «покойника» — дохлого («пропáш-чего») поросенка, жалуясь в каждом доме: «Ой, январёшка у мёня пропала!» Хозяева сочувствовали. Затем устраивалось торжественное прощание с «покойным». Можно предположить, что эта шутка связана с полузабытым к этому времени обычаем забивания к Рождеству либо к Новому году «кесарейского» или «кесарецкого» поросенка (свиньи). Именно у его туши устраивались столь опасные девичьи гадания. Не случайно поэтому среди сценок ряженных встречаются и такие, в которых имитируется погоня за девушками «свиньи», живо напоминающая картины святочных гаданий в хлеву.

Например, в д. Луканиха, Тюшково разыгрывалась такая сценка. «Один «свиньёй» нарядился: голый совсем, в саже (по телу прикатали сажой). В пестёр [большая корзина] посадили его, тряпкой закрыли и привезли на беседу — прям по лестнице в избу закатали на санках. Вывалили серед полу из пестеря, он бегаёт по избе, девки от него убегают. Потом его опять в пестерь — и укатали»⁵⁷.

В д. Арганово на ряженного натягивали настоящую свиную шкуру. «„Свинью“ приносили: выредят как поросёнка — целовека выредят-то. Шкуру-то наденут — раньше-то больших поросят держали. Дак вот он ровно как настоящий поросёнок: рюхает, да лизёт к девкам-то, за ноги хватает. Потом побежав, дак девки все ухнули и убежали».

В той же деревне кудеса приносили на игрище и шкуру настоящей свиньи, набитую разной гадостью, — «да вот как под вид поросёнка, он ровно как настоящий поросёнок. Три мужика принесут «поросёнка-то», а четвертый мужик от там сидит, на печё, стрилёт будет сейчас. Из ружья-то стрелнут солью или чем ли прям по «поросёнку» — этот весь и разлетище. Ак эт девок-то всех обрызнут, да побегат девки-ти. В шкуру-то напехают не знаю чево. Душина-то невозможная — сразу все убежат»⁵⁸.

В этих сценках присутствуют все основные мотивы, характерные для «покойника» и «медведя»: приставание к девушкам, демонстрация голой натуры, смерть (умерщвле-

ние, связанное с мотивом ритуального жертвоприношения). Для сценок с участием «свиньи» или «поросенка» очень важен также мотив «торга» или «продажи» (ср. «продажу шелка» или «медвежьей шкуры»). Например, в д. Горка (Тарн.), Марачевская, Карачево приносите в кузове одного-двух голых парней или мужика без штанов («поросят») и подтаскивали девушек «поросят смотреть». В д. Горка (Тарн.) могли носить поросят: связывали мужику крест-накрест руки и ноги, продевали между ними жердь и приносили его на беседу «продавать». Вокруг «поросенка» разворачивался оживленный торг: обсуждались детали его внешности, одежда и прочие достоинства. В д. Конец-Слободка также возили «поросят»: «Посадят старуху в кузов, она там и хрюкает». Потом «поросенка» продавали: «Кому-у поросят надо?»

Чаще всего «поросятами» были маленькие (от 3 до 6 лет) дети. «Маленьких ребятишек насадят в кузов, накроют одеялом старым, привезут на санкаф: «Покупайте поросят!» А они хрюкают» (д. Орлово). Обычно детей (в д. Гридинская — трех девочек) раздевали догола, наводили им сажей пятна на боках и на спине и, привезя в избу, вываливали на пол и «продавали» присутствующим (д. Новосело, Тельпино). Причем дети могли изображать и «цыплят»: «Маленьких робят, подросточков в кузовы посадят — «поросята», «цыплята». Они и трюхают там» (д. Митькино). Эта деталь особенно интересна, если учесть тот факт, что в других регионах дети нередко изображают цыплят при рождественской магии, направленной на плодovitость домашней птицы и скота. «Продажа поросят» некогда, видимо, заканчивалась обливанием их водой или обсыпанием снегом, однако в 20-е годы это уже обычно не практиковалось. Сценка подобного рода разыгрывалась в Устьянских волостях в конце-прошлого века: в сани накладывали снегу, бросали туда голых ребятишек («рыбу») и возили их «продавать» (ср. «соление снятков» в описании Н. С. Преображенского)⁵⁹.

Еще одним персонажем, явно стоящим в том же ряду, что «покойник», «медведь», «свинья», является «бык». С. Я. Серов отмечал некоторую противопоставленность и антагонистичность «медведя» и «быка», а также факт распространения их в разных, не пересекающихся ареалах. В частности, если культ медведя можно считать древнеевропейским и исконным для Европы (и, добавим, для большинства народов, населяющих ныне север Европы и

Сибирь), то культ быка, известный еще в Древнем Египте, Месопотамии, в Древней Индии, позднее существовал в Азии и Средиземноморье, а его соприкосновение с культом медведя произошло в районе Апеннин⁶⁰.

Ряжение «быком» относится к числу древнейших в Европе, а на Руси оно документально засвидетельствовано еще в XVII в.⁶¹. Сценки с участием «быка» встречаются гораздо реже и по смыслу очень близки к уже описанным: «быка» приводят на веревке, он пристаёт к девушкам, бодает их, затем его могут продавать, а завершается сценка его убиением и сдиранием шкуры⁶². Сценки с «быком», так же как и сценки с «медведем» и «покойником», могли разыгрываться и на свадьбе.

Мотив ритуального брака с предком, почтившим своим вниманием участников святочного торжества, является, по-видимому, ключевым для понимания смысла большинства сенок с участием ряженных, а также развлечений и игр, практиковавшихся во время игрищ. В сценках, зафиксированных исследователями с середины прошлого века, ритуальный брак или даже коитус с «покойником», как воплощением предков, уже заменяется, как правило, «венчанием» и «женитьбой» всех присутствующих юношей и девушек, которые осуществляет персонаж, в большей или меньшей мере связанный с духами предков. Напомним, что «венчание» девушек с «покойником» могло вклиниваться в его «отпевание». В Кирилловском районе Вологодской области один из ряженных, переодетый «попом», надевал на голову девушкам «круглые турбшочки», говоря: «кадило-то новое, почепка-то новая...» После этого следовала сценка с «прощанием» (девушек заставляли целовать «покойника»). В некоторых вариантах «венчания» «покойник» уже нередко отсутствует, хотя в действе по-прежнему участвуют «поп» и «дьячок». В д. Паршино Мантуровского района Костромской области их роль исполняли две-три замужние женщины, которые на посиделках после Николы зимнего «женили» молодежь. «Девку стаскивали с лавки и подводили к парню, а «поп» водил молодую пару вокруг «аналоя» — на скорую руку собранного из любых подручных средств возвышения. «Дьячки» кадили лаптем и кропили веником. «Поп» пел:

Алилуйя, алилуй,
Повели девку на хуй, на хуй, на хуй! (2 р.)
Алилуйя, алилуй,

Господи, помилуй!
С законным браком!

Затем тащили к нему другую пару. Девушки стыдились, краснели, робята — ровно как и надо»⁶³.

В большинстве позднейших сценок «венчание» осуществляют иные персонажи, не облеченные священническим саном. В д. Стрелица Мантуровской волости Кологривского уезда Костромской губернии это были «две бабы, что из озорных», которые приходили на игрище, принося с собой доску в человеческий рост и одеяло. «Одна из женщин ставит доску перед собой, другая закутывает ее вместе с доской; берет в руки полено и сильно ударяет по доске, приговаривая: «Иван Тюмиц, цуешь ли?» Женщина за доской молчит. Первая ударяет второй раз с тем же вопросом, опять молчание, и лишь на третий раз отвечает из-за доски, нарочито грубым голосом: «Цую, цую». Тогда ударявшая по доске женщина говорит: «Мужик пришел, оброк принес, ... без рог, просит обеззакониться». Женщина за доской грубым голосом отвечает: «Жени, жени, растакую мать, чтобы пуще, чтобы пуще ее». После этих слов женщина с поленом подходит к одному из присутствующих парней, берет его за руку, поднимает с места, выводит на середину избы, велит выбрать девицу, взять ее за руку и подойти к Тюмицу. Происходит пародия на обряд венчания, парня с девушкой водят вокруг Тюмица, припевая:

Алифа́, алифу́й,
Повели девку ...
Парень девку не бракуй.

Женщина с поленом идет впереди пары, в руках у нее «кадило» — на веревке привешен старый лапоть, набитый соломой и навозом, подожженная солома тлеет и чадит, этим кадилом-лаптем присутствующим «в рожу пхают», приговаривая:

Кадило брызжет,
..... выжжет,
..... опалит,
..... не сулит.
Кадило-то длинно,

..... его знает
Далеко ли хватает,
Много ли сажень.
Мотри растаких
Кадилом не ожжецы бы вас.

После «венчания» парня три раза перекатывают через девушку, затем завязывают их в одно одеяло и так, связанных, катают по земле.

Затем очередь наступает для следующей пары молодых людей, с которыми проделывают то же самое»⁶⁴.

В Вожегодском районе Вологодской области на игрище также приводили ряженого — «старика» — Чумича (одноименный персонаж известен и у коми) и усаживали его на лавку. Затем Чумич начинал благословлять подводимые к нему пары из числа присутствовавших на игрище — это называлось «девок венчать». «Подходившие или кто-либо из подведших их ряженных говорили:

— Иван Чумич, с законным браком приехали!

Тот отвечал:

— По дрова поехали!

На это парень с девушкой должны были целоваться. Потом опять обращались к Чумичу:

— Иван Чумич, с законным браком приехали!

— По сено поехали!

Пара снова целовалась. После третьего раза Чумич вставал:

— А, с законным браком приехали! Хороша пара!

«Молодые» снова целовались и шли на свое место, а к Чумичу подводили следующих»⁶⁵.

Похожую сценку на святочном игрище под названием «бахаря женить» наблюдал в свое время в Данковском уезде Смоленской губернии В. Н. Добровольский: «Адин мущина сядить на куте ўроди «бацьки», патом ящо двоя ли троя. Подвядуць к «бацьки» мушину и бабу и заставюць их цулуватца. Сам «бацька» сымайць з ѝих шапки и кладеть ли сябе.

Потэм падводюць мальчыкыў и девычык и гаворюць: «Цалуйся!» А яны-то ў крик — ни хатяць цулуватца. Вот яны падымуть им адежынку на голаву и застаўляюць цулувать ў жопу. Во тут ящо болий смеху! А яны гудуть, бра-нютца.

Потэм, ета жо пакончиўши, етыт «бацька», каторый сядить на куте, забирайт еты жы шапки, каторыи пасняў, а

чия там шапка, тэй клади деньги. Сходятца ў кабак, выпьють вотки и расходуютца дамой»⁶⁶.

Сценка из с. Усть-Уролка Пермской области более откровенна. Здесь «брак» присутствующей молодежи устраивал «барин»: «В барина играли. Сюды пузо наладят, соломенную наладят «курицу» — хуй полметра! А туто двое стоят водле нево, две шшети дёржат в руках. И девку притащат к ему, пихают к ему, штоб целоваться, шшетями подпихивают иё двое, будто дёржат за задницу, и подымают иё... А «курицу» ей под подол суют. Эти двое»⁶⁷.

В аналогичных представлениях ряженных нередко участвовали «солдаты» с привязанными к поясу колями — «фаллами», «всадник» на «лошади» с длинным соломенным жгутом, торчащим из штанов, а то и вовсе безымянные персонажи. Скажем, в д. Починок парни ставили девушку спиной к поднятой вертикально скамейке и один из них с толстым соломенным жгутом в форме фаллоса (длиной около 1 м) в руках скакал на девушку, стараясь испугать ее. «Так всех девок переставят. Убежать нельзя, куда убежишь?»

В стадийно более поздних вариантах «женитьбы» используется усложненная символика коитуса и брака: избивание (хлестание жгутом, «хлопанье» рукой), взаимное угощение «пивом» или «сочными» («блинами»), имитация «гаски» (барахтанье «молодых» в темноте), испытание прочности брака (перепрыгивание через огонь) и т. п.

К концу прошлого века относится сценка из д. Ягрыш, разыгрывавшаяся «стариками». «Часу во втором-третьем приходили ряженные — «старички». Приходило ряженных двое, трое, много — четверо. Между ними всегда бывали «старик» и «старуха». На «старике» одежда — вывороченная шуба или кафтан; на лицо надета маска из бересты, с выведенными углем бровями, с бородой из кудели и с пришитым носом, тоже из бересты. На спине у «старика» горб, но такой большой, что его можно принять скорее за котомку. На «старухе» — старый холщовый красильник; лицо закрыто тряпкой и, кроме того, выпачкано сажей: к спине тоже приделан горб.

Сначала «старички» пугали своим нарядом девушек и нас, детей, а затем начинали «представление».

Обыкновенно изображали, что умерла «старуха». «Старик» плакал, говорил, какая у него жена была хорошая... «Старуху» вспрыскивали водой. Она, как бы очнувшись, вскакивала, наступало общее веселье «старичков» и пляска.

«Старуха» рассказывала сон, который видела во время «умертвия». Иногда рассказывала очень гладко и увлекательно.

На радости «старички» начинали «варить пиво», что всегда изображалось до мельчайших подробностей...

По окончании «варки пива» «старички» брали на себя обязанность женачей, и начиналась «женильба».

Начиналась «женильба» всегда одной и той же песней, которая называлась «пшену сеяли». Пели ее только парни:

Пшену сеяли, (2 раза)
Ой, да ладо, сеяли,
Нам не надо сто рублей,
Нам не надо тысячи,
Ой, да ладо, тысячи!
А нам надо девицу,
А нам надо красную, (2 раза)
Ой, да ладо, красную».

Еще песня не кончалась, а уж два мужика-женача [жена-тых] свивали из кушаков по жгуту... Двое женачей, свив жгуты, подходили к парню, брали его за руки и слегка выталкивали из-под полатей. Парень показывал вид, будто упирается, за что его ударяли жгутами. Затем он подходил к одной из девушек, брал ее за руку и вел в передний угол. Правило игры было, что первая пара должна садиться на это почетное место».

Затем выводили следующего парня. Если кому-нибудь не хватало пары, брали из подростков.

«Мужики-женачи требовали от хозяина пива, которое обыкновенно заменяли квасом или же просто водой. Чашку ставили на стул, и затем каждая девушка должна была потчевать своего суженого, называя его при этом по имени и отчеству. Суженый вставал, делал глоток и с поклоном возвращал чашку. Женачи строго наблюдали за исполнением этих условий игры: при малейшем замешательстве девушки в имени суженого женачи ударяли ее жгутами.

Случалось иногда, что парни, желая подвести девушку, не говорили своего настоящего имени, и такая проделка всегда сопровождалась дружным смехом. Но надо заметить, что случалось это очень редко.

После того, как «суженый» делал глоток, девушка ставила чашку на прежнее место и садилась. Затем то же самое

проделывали и «суженые»... Но вот чашка и табурет заменяются двумя-тремя поленьями и лучиной: их кладут одно на другое, наверх кладется лучина; это у нас называют класть на «прилет». Все устраивается так, чтобы при малейшем прикосновении падало».

Девушки по очереди, начиная с первой, перескакивали. Та, которая перескочила, считалась довольной своим суженым. Если же задевала, то ее суженого заставляли все привести в прежний вид, а в это время женачи хлестали его по спине жгутами.

В конце «женитьбы» женачи брали первую «вышедшую замуж» девушку за руку, та — своего суженого и т. д. Ходили цепью по избе и пели, как вначале.

После женитьбы оставались в избе девушки, парни и дети, остальные уходили⁶⁸.

Иногда, впрочем, роль стариков мог исполнять кто-либо из присутствовавших на игрище, при этом даже не переодеваясь. Иными словами, эта пара участников сценки брала на себя выполнение тех же условно-игровых функций, что и участники игры в «ящера», «оленья» и т. п.

«Парни и девушки вечером собираются в одну избу, девушки садятся, двое парней выходят на середину избы, изображая «родителей». Они обращаются ко всем с предложением сыграть «в женитьбу». Все соглашаются. «Родители» предлагают парням идти и выбирать себе «невест». Парни поодиночке заходят и выбирают себе «невесту», выводят ее за руку и садятся с ней на лавку.

Когда все пары составятся, «отец» или «мать» подходит к каждой паре, кладет руку девушки на шею парню, а парня — на шею девушки и спрашивает их: «Люб(а) ли муж (жена)?» Те отвечают: «Если бы не люб(а), то не брал бы (не шла бы)». Тогда «отец» и «мать» подходят по очереди к каждой паре и, слегка дотрагиваясь до щеки каждого, говорят: «Надо дать молодым по сочню». Потом, взяв кушак, свивают его и обходят всех, ударяя по колену, приговаривая: «Нате вам по блину». Потом кушак переходит в руки старшего «зятя», а от него всем остальным.

Когда все перехлещут друг друга, кушак опять передается «родителям». После этого «тесть» или «теща» дают лучину старшему «зятю», который бросает ее на середину пола. Его «жена» встает, подымает ее, кланяется «мужу», величает его по имени и отчеству и передает ему лучину. Так проделывают по старшинству все парни, а за ними девушки.

После этого «родители» берут друг друга за руки и идут вокруг сидящих, а каждая пара ударяет «стариков» по спине рукой. Потом все пары по старшинству обходят избу и получают удар по спине.

«Старик» и «старуха» садятся посередине избы, гасят огонь и говорят: «Ну, детки, поезжайте за сеном». Молодежь в это время кто во что горазд. Через несколько минут огонь снова достается. «Старики» поднимаются с пола, берут друг друга и кого-нибудь из «детей» за руку, остальные тоже берутся и начинают ходить по избе с песнями. «Женитьба» кончилась, она перешла в „походенки“⁶⁹.

Интересно, что после этого варианта «женитьбы» следовала игра «олень»:

— Стоит олень сутул, горбат,
На перед поклап,
И тепло ли те, олень, стоять.
Холодно ли те, олень?.. и т. д.

Игра оканчивалась выкупанием девушками отданных оленю предметов («венков»), которое, в свою очередь, завершалось припеванием каждой девушке парня (то есть собственно «венчанием») и поцелуем с ним (символическое обозначение «женитьбы»). Таким образом «олень» здесь выполнял ту же роль, что и упомянутые выше «Чумич», «бахарь», «барин», «старики». В варианте женитьбы, описанном А. Кульчинским⁷⁰, на месте «олень» выступал «яшур», причем сам процесс выбора невесты назывался еще «сжиганием овина» (ср. одноименный обычай со сжиганием соломы, завершающий свадьбу).

С такими элементами игры в «женитьбу», как взаимное «угощение («одаривание») новобрачных», их «испытание на верность друг другу», а также с испытанием «славутности», «чести» невесты, генетически связаны многие забавы и сценки с участием ряженных, которые включали в себя битье, обливание водой или обсыпание снегом или сажей (например, «мельница», «печенье шанег» или «блинов», «продажа лошадиной» или «медвежьей шкуры» и др.)⁷¹. Это видно из вариантов «женитьбы», непосредственно включающих в себя подобные забавы. Так, в Ельнинском уезде Смоленской губернии двое ряженных со жгутами («ошметками») в руках с криком: «Жениться хочу! Жениться хочу!» — сгоняли женщин и девушек с лавок и рассаживали там парней, пришедших на игрище вместе с ряже-

ными. Затем начиналась «женитьба»: «Парни с ошметками подходят к своим товарищам и спрашивают каждого по очереди, на какой из баб или девушек он желает жениться. Получив ответ, они приводят к каждому требуемую девушку или бабу и сажают ее с ним рядом на скамейку.

Когда каждый из парней получит себе «женку», то «молодым» подносят «угощение». Те же парни с ошметками подходят к молодым и спрашивают, чего они желают.

«Каши!» — отвечает, предположим, одна пара «молодых». «Каши! — восклицают парни с ошметками. — Вот вам каша!» И молодые получают от каждого по два удара ошметками. Бьют по коленям и при этом как следует, не щадя. Несколько раз подносится «молодым» угощение, от которого колени так и разгораются. Смех, визг, веселые крики несутся по избе во время подачи этого своеобразного «угощения». После «угощения» молодые целуются. Если кто советится и не хочет целоваться, то пускаются в ход ошметки.

После «угощения» молодым предлагают «красный товар»: муж должен как следует нарядить свою молодую жену. Является продавец товара. Он тоже в вывороченном тулупе, в руках у него сундук, который он ставит на пол посередине избы. Парни с ошметками становятся подле него. «Продавец» начинает выкликать товар и приглашает покупателей. «Молодые» подходят и начинают «куплять» — кто платок, кто ситцу, кто крали [бусы] и т. д., причем «товар в виде ударов ошметками так и сыплется на спины покупателей»⁷².

Напомним, что битье или «хлопанье» было одним из составных элементов «женитьбы» и, как видно из приведенных выше вариантов, связывалось с «угощением» молодых, «кормлением их блинами». «Хлопанье» могло существовать и как отдельная забава, напоминающая наборную игру, то есть, собственно, игру с выбором себе парочки («женеха» или «невесты»).

Вот, к примеру, описание «хлопанья» в д. Ягрыш, сделанное в конце прошлого века.

«Эта игра происходила в промежутки между всеми остальными играми. Состояла она в том, что девушка ударяла парня по плечу; парень в свою очередь хлопал девушку, только уже не ту, которая ударила его, и т. д. Девушка до тех пор, пока ее не ударит парень, не имела права вставать и идти «хлопать»; то же условие соблюдалось и относительно парня. Про того же из играющих, кто вступал в игру сам, обыкновенно говорили, что он пошел

«на холостую», то есть без приглашения. Начинала игру обыкновенно девочка лет четырнадцати — пятнадцати, к которой, как говорят, „ничего не пристанет“»⁷³.

«Хлопанцам» предшествовали, видимо, различные забавы с битьем девушек, имевшие «испытательный» смысл. Такой забавой было, например, «дутьё со стула». В д. Монастыриха оно обычно происходило на вечеринках. «Посреди избы становится скамья, и на нее садятся девушки; все парни поочередно подходят и сзади с размаху ударяют девушек, причем они не должны издать ни звука; если же они выразят недовольство, то поплатятся за это жестоко»⁷⁴.

В Череповецком уезде, по свидетельству С. В. Максимова, парни на беседах часто «пекли блины»: «Один из парней берет хлебную лопату или широкий обрезок доски, а другой поочередно выводит девушек на середину избы и, держа за руки, поворачивает их спиной к первому парню, который со всего плеча дует их по спине»⁷⁵.

В д. Карачево пара ряженных — «старик» и горбатая «старуха» — «пекли шаньги». Об их приходе оповещали заранее: «Шаньги! Шаньги! Шаньги идут!» — «Тут, глядишь, девки забежали». В избу вваливалась ватага ряженных во главе со стариком, в руках которого была обмороженная («стылая») деревянная лопата. После обычных приветствий «старик» спрашивал у «старухи»: «А не пора ли шаньги печь?» — «Пора, батюшка, пора!» После этих слов несколько человек из ватаги бросалось к визжащим и разбегающимся девушкам, подводили их по очереди к «старухе» со стороны спины и заставляли положить руки ей на плечи, после чего «старуха» наклонялась, и девушка, поддерживаемая «кудесами», оказывалась лежащей у нее на спине. «Старик» махал лопатой, крича: «У-у-у! Вот сейчас шаньгу спичем!» — да еще нарочно при этом задевал лопатой за балку («чтоб страшнее было — за потолок лопатой заскыркает»). Попугав девушку, поддавал ей лопатой — «если нелюба, то сильно: таку шаньгу съест, что еле с бабки слезет». Так продолжалось, «пока всех девок не перепекут»⁷⁶. В некоторых деревнях так наказывали девушек, опоздавших на беседу.

Эта забава могла иметь и более прозрачный эротический смысл. В д. Малино один парень, захватив девушку за руки, слегка перегибался вперед, поднимая ее тем самым за спину; второй парень бил ее по задку заготовленной заранее доской. Это называлось «давать девкам хрену»⁷⁷.

Вполне объяснимо появление в такого рода сценках уже известных нам персонажей. В этом случае происходившее называлось «на козла или на свинью садить». Так, в Бабаевском районе подобная забава иногда применялась на святочных беседах. Один парень («козел» — д. Кузовля, или «свинья» — д. Вантеево) становился на четвереньки посреди комнаты, а трое других парней с криком: «Козла! Козла давай!» — отлавливали какую-нибудь девушку и, несмотря на ее сопротивление, усаживали верхом на «козла», причем один из парней «попугивал» девушку, постукивая по полу специальной палкой с привязанной к ее концу рукавицей, в которую что-либо вкладывали для тяжести. Хорошенько попугав пленницу, парень «хоботил» ее «шлепалкой» столько раз, сколько приказывал «козел».

В Касимовском районе Рязанской области еще в 30-е годы молодые мужчины и парни, собравшись компаниями человек по десять, наряжались «стариками» («дедами калёными»). «Придя на посиделки, «деды» пляшут, забавляются с девчонками [эти забавы, очевидно, мало отличались от тех, которые затевались «медведем» или «покойником». — *Авт.*]. Когда это надоест, «деды» хватают девиц и выволакивают их на улицу. Поднимается неописуемая свалка, так как изба обычно переполнена, кроме участвующих, еще наблюдающими (главным образом дети школьного возраста).

Вытащив девиц на улицу, на снег, «деды» задирают им подол и натирают снегом между ног (конечно, никаких панталон шостьинские девочки не носят, а может быть, умышленно не надевают их в эти дни).

Но интересней обстоит дело, когда эта процедура совершается коллективно. Тогда двое «дедов» берут девушку за ноги и поднимают кверху, держа юбку колоколом; третий насыпает в этот колокол лопатой до пол. Девушка, подвергнутая таким манипуляциям, отряхивается от снега, произнося: «Спасибо, дедушка родимый!» — и убегает обратно в избу.

Натешившись здесь, «деды» отправляются на следующие посиделки — и так всю ночь»⁷⁸. Подобные манипуляции с девушками или молодоженами были распространены очень широко и совершались обычно в течение святок (особенно на Новый год или в канун Крещения) либо масленицы (обычно в Чистый понедельник), то есть в период наиболее активного бытования игр «в свадьбу» или «в женитьбу». Заметим, что усаживание на снег «без пантало-

нов» практиковалось во время рекул, а также как магический прием при обучении прядению⁷⁹.

На севере Тотемского района Вологодской области валяние девушек по снегу устраивали «медведица» с «медвежатами» (в д. Коровино Кирил.— два «медведя»). Эта параллель, видимо, не случайна, ведь «дед» или «старик» — обычные эвфемистические обозначения не только предка, но и медведя⁸⁰. Такого рода ряженные ходили в д. Середская, Антоновская, Щекино. «Вожак» водил «медвидицу с мидвидятами» (иногда их называли и «собаками»). Роль «мидвидят» играли дети лет 10. «Медвидица» (или «медвидь») мjala тех девок, «которые подсмеивали над парнями»: «„Медвидь“ станет, сдёрнет с лавки девку (они на лавках стояли) и мнёт её, а те лают, на девку тоже нападают». Иногда, ворвавшись в дом, «мидвидята» тушили свет, а «медвидица» с «вожаком» выволакивали на улицу намеченную заранее девушку и напихивали («намякивали») ей снегу за пазуху и под подол. Интересно, что в д. Середская «медведь», маску которому делали из воротника шубы, ничего не видел и хватал тех девушек, на которых его науськивал «поводырь»⁸¹.

Хотя обычные толкования обычной катания по снегу связаны со значениями очищения («девок чистить», «девок солить, чтобы не портились», и т. п.), за забавами такого рода также несомненно скрывается брачно-посвятительный смысл. Скажем, в деревнях Марьинского с/с Вожегодского района «катание» устраивали на Крещение, после демонстрации девушками-невестами нарядов «на ледышкё». «С ледышкё-то священик пойдёт, дак ребята-то девок в снегу катали: «Это вот, мол, невеста будёт!» ...[В снег] кинут, а всё голое это место-то, дак иди-то домой!..» Очень близко по смыслу и развлечение на святочных «беседках» («в Рождество играли»), известное в с. Ивановское Шарьинского района Костромской области. Ряженные, зайдя в дом к девушкам, объявляли, что они пришли «валенки катать», тут же расстилали на полу простыню, хватали, несмотря на сопротивление, любую из присутствующих девушек, клали на простыню, сверху — парня, заворачивали их и начинали катать вальсками по одной стороне. Потом переворачивали и катали по другой стороне. При этом зрители подбадривали «котовалов»: «Пуще валяй!», «Шибче валяй!», «Плотнее укутывай!». Затем пару поднимали и спрашивали: «Ну, как валенки?» Если девушка с парнем понравились друг другу, то отве-

чали: «Хороши валенки, теплые». Если нет, то валенки «„хаяли“»⁸².

Связь такого рода обычаев с переходом в другую половозрастную категорию достаточно очевидна (ср. подобного рода манипуляции над молодухами первого года и над «нечестными», гулящими девушками, перешагнувшими черту взрослости). Брак с предком, по-видимому, входил в эту некогда сложную и разветвленную церемонию перехода в качестве одного из важных и обязательных этапов.

Обращает на себя внимание и возможная приуроченность «женихания» и связанных с ним обрядов и развлечений к «ярмарке невест» («стояние на глыбке или на ледышкѣ», «стояние столбами» и т. п.). Дело в том, что иногда «женихбой» могла называться игра типа «обчинивания» или «корѣния», то есть расхваливания или, напротив, осмеивания потенциальных женихов и невест, которую условно можно соотнести со сватовством. Причем «обчинивание» обычно проводили ряженые. В Сямженском районе Вологодской области это делали «старики». Зайдя в избу, «старуха» влезала на печь, а «старик» обходил девушек и подвергал их тщательному досмотру, каждый раз обращаясь к «старухе»: «Как, старуха, годится эта девка в невесты нашему сыну?» — а та отвечала «годится» или «не годится», добавляя при этом разные лестные или ругательные характеристики в адрес «претендентки»⁸³. Комизм возникавшей при такого рода «женихбе» ситуации мог, по-видимому, поддерживаться тем, что «старики» нередко приносили с собой «сынишку»: речного «ребеночка», иногда настоящего ребенка лет 7—10, поросенка и т. п., причем заставляли девушек (отобранных «невест»?) возиться с ним или целовать его, что можно сравнить с целованием «покойника».

В Карачевском уезде Орловской губернии на святочных посиделках играли «в женихи»: большую соломенную куклу, изображавшую «жениха», вели, взяв за «руки», вдоль сидящих девушек и по очереди сватались к ним. Задача «невест» заключалась в том, чтобы как можно остроумнее «раскорить» жениха: «Не пойду за него — он сопливый, старый, табак нюхает! У него матка — злая ведьма!» — и т. п. При этом, как отмечает собиратель, «стараются выставить недостатки действительных женихов и их родни»⁸⁴.

Сноп соломы в этой игре появляется, по-видимому, не случайно. С одной стороны, скажем, в Сямженском районе

Вологодской области «обчинивание» могли совершать ряженные, приводившие на игрище «сноп соломы». Так, забавная сценка с участием «снопа» разыгрывалась в д. Рытино. Здесь на игрище приходили два парня, один из которых был обвязан пучками соломы и прикрыт соломенной «шляпой» («как на суслоне»), то есть с напыленным на голову пучком соломы, завязанным с верхнего конца. Его провожатый был одет в вывернутый наизнанку тулуп, со старой шапкой на голове, обшитой ленточками и лоскутами. Лица у обоих были измазаны сажей. «Сноп» сажали в угол, а его помощник расхаживал по избе, постукивая посошком и рассказывая о присутствующих разные невероятные истории или задавая вопросы, которые вгоняли спрашиваемых в краску. «Сноп» же завершал каждую шутку своего товарища короткой фразой: «Правда, правда, истинная правда!» — произнося ее низким голосом и нарочито медленно. Рассказчица вспомнила о том, как подшутили над ее подругой. Первый ряженный, подойдя к ней, сказал, как будто его это очень удивило: «Алешка из Шишакова вез Полю в гости, и она в снях написала!» — «Правда, правда, истинная правда!» — пробасил «сноп». Оскорбленная Полина не выдержала, выскочила на середину избы и закричала: «Вот и нетушки, я не писала!» Все умерли со смеху⁸⁵.

В д. Бурниха «сноп» затевал с девушками игру, напоминавшую жмурки. «Он в снопе-то и ходит, и ходит, и шовелища. Штобы посмеялись, тоже руку-то протягивает, а рука тоже чем-то тут упелёнана, дак ничево и не видко. Из снопа-то вот руку-то протягивает, да имае, дак у нас беготни-то вот сделаецца — дак это Боже упаси! Мы хохоцем, бегаем, а он вот за нами потихоньку дак и поднаживается, а мы-то грудой эдак вот по углам-то носимсё. Как игра вроде»⁸⁶.

С другой стороны, можно вспомнить о важных ритуальных функциях снопа в рождественском цикле праздников и его связи с почитанием предков (ср. карпатские названия этого снопа «дід», «дідух», обычай сжигания снопа на святки под названием «родителей греть» и т. п.)⁸⁷. Заметим, что «покойника» нередко изготавливали из снопа соломы, проделывая с ним те же манипуляции, что и с ряженным «мертвецом» или «медведем» (ср. ниже описание сценки с имитацией убийства «покойника» — снопа, изображение ряжеными молотьбы и т. п.). В д. Заборье (Тот. и Бабуш.), Великодворская «покойника» сооружали из снопа ржаной соломы, привязанного к доске или ска-

мейке и накрытого сверху простыней, иногда наряженного в мужскую или женскую одежду (д. Владыкина Гора, Заборье Тот.), с вымаранной в сажу тряпичей вместо лица (д. Мосеево Верхов.), с батогом вместо рук и ногами из катаников (д. Самсоновская, Никулинская). В д. Высотинская снопы оборачивали сверху одеялом, придавая ему форму человеческого туловища, клали его в гроб и накрывали сверху простыней. Принесли в избу, заставляли всех прощаться с «покойником» и плясали вокруг гроба. В д. Ганютино в самый разгар представления один из ряженных с криком: «Убью, убью!» — бил топором по закрытому «тканиной» мешку с соломой, изображавшему «покойника». Это приводило всех в ужас, так как здесь чаще наряжался «покойником» кто-нибудь из парней.

В этом контексте становится более прозрачной мотивация рождественского обычая совместного кувыркания по соломе («комьякания») девушек и парней, что можно истолковать как символический эротический контакт («женитьбу») всех участников игрища с «предком», воплощенным в снопе⁸⁸.

К развлечениям, относящимся к разряду «обчинивания», следует, видимо, отнести особую церемонию рассматривания парнями вышивок и тканых узоров на девичьих рубахах, известную под названием «смотр подольниц (поподольниц)». Эта церемония, устраивавшаяся как на посиделках, так и во время гуляния на Крещение, по сути, являлась своеобразным публичным обсуждением готовности девушки к замужеству.

В Мольском приходе парни устраивали «смотр подольниц» так. С пучком зажженной лучины они обходили всех девушек, начиная с сидящей в красном углу, с просьбой показать подольницу (девочки-подростки их не имели). После долгих отказов и кокетства девушки показывали свои подольницы, а парни обсуждали вышивку и кружева на них, сравнивая мастерство и вкус их обладательниц⁸⁹.

Очень распространен был смотр подольниц в Сямженском районе. В д. Арганово, Пирогово трое — пятеро парней, вооружившись лучиной, обходили девушек и осматривали их «поподольницы». Парень, держащий лучину, подойдя к девушке, спрашивал ее: «Как молода приготовилась? Ешь ли поподольница?» Вместо ответа она загибала сарафан и выставляла поближе к свету край подольницы.

Если та была красивой, кричали: «Ой, эта хороша! Хороша поподольница!» — а если нет, то: «Ой, эта, робята, худая! Не годицца взамуж!» — над этой смеялись. Поэтому иногда девушки прибегали к хитрости: «Которая с поподольницей, которая нет. Другая так фатку [платок] сунет, кажет кончик»⁹⁰.

Приведенных выше фактов, по-видимому, вполне достаточно для понимания тесной взаимосвязи большинства описанных сценок ряжения (с заголением, демонстрацией обнаженной натуры, ощупыванием или целованием половых органов, обливанием и обсыпанием снегом, битьем, куплей-продажей) с архаическим сюжетом ритуального брака с предком, воплощенным нередко в животном или в значимом ритуальном предмете (сноп, редька). В завершение приведем описания еще нескольких сценок, также построенных на упомянутых мотивах.

В некоторых деревнях устраивалось так называемое «доение коровушки». Скажем, в д. Холкин Конец в избу вводили на четвереньках голого мужика, измазанного сажей, — «корову» (иногда, например, в д. Зыков Конец, Коробицыно, на «корову» накидывали настоящую коровью шкуру), и поводырь водил его на ремешке, привязанном за шею, по избе. Затем кто-нибудь кричал: «Надо корову подоить!» — и один из ряженных пытался «доить» «корову» («подёргать за титьку»), а та лягала его «копытом», в чем, собственно, и состоял интерес сцены. В д. Росляково парни пытались заставить «доить корову» девушек, поэтому сценка завершалась шутливой потасовкой.

Яркий эротический оттенок носили сценки с «мельницей» (ср. легенду о мельнике, превращенном в медведя)⁹¹. В д. Чеваксино «мельницу» изображал человек, сидевший на санках («чúnках») и накрытый с головой рваной тряпкой («ряской»), который толкал палкой камни и песок, насыпанные на сковороду. После того как «мельница» немного «поработает», кто-нибудь из ряженных кричал: «Мельницу смазать надо!» — и начинал поддевать палкой девушек, стараясь попасть им под юбку.

Иногда забава приобретала откровенный насмешливо-эротический оттенок: при этом ряженные стремились прежде всего вогнать в краску девушек: «Наредят старика, который помене, шчобы легче нести на вечерованье, принесут, на скамейку серёди избы положат ево мужики — может и трое, и четверо нёсло́ за́ руки да за́ ноги. Вот принёсут, положат этово старика, штаны снимут на подко-

ленки, рѣшать на жопу положат (который руководив — «мельник»). Вот он лежит и винтит жопой-то, дак рѣшать-то и винтищи. Девоч-то и подводят: «Вот, посмотри, как мельница-та мелет!» — силой волокли девочек-то, они прятают-ти, верещат» (д. Основинская)⁹².

В д. Зимницы устраивали даже две «мельницы» — водяную и ветряную. «На скамейке мужика посадят, штаны снимут, жопой поворотят к девкам: «Пошчупай, мелко ли мельница мелет?» Это «водянка мельница». Он и под подол залезет, как девка щчупать подойдет». Вторую «мельницу» — «вѣтрянку» — располагали в той же позиции на полатах, и, чтобы оценить качество «помола», девушкам приходилось становиться на лавку.

В д. Пеструха сценка разыгрывалась иначе. «С „мельницей“ ходили — у скамейки провернули дыру, и «мельник» сев на эту скамейку (как вроде мельница — раньше ведь была мельница «восьмѣрка», а и мужик-от тут навроди «восьмѣрки», уж закрыт, дак не видно ницѣво). Сев, лукошко залѣзное взяв, взяв палку — а дыра-то вот тут, перед йим. А внизу-то — у нас коров убавлѣли [забивали], а с запахом уж были кишки, набивали раньше в Новой-ить год — вот они взѣли, да в кишку засунули солому, да туда, в эту дыру-то просунули; там низко, а он сидит над этой-то дырой, [лукошком] закрыто, там ить не видко, внизу-то цево. Он сидит, да в лукошко: «Гр-р-р!» — вроде как мельница верещыт, дак он как мелет муку... А мужики-те — эти, «мельники»-те — стоят один по боку, другой по другому, все в худое наряжены, в муке шапки (они и сами-то мажущи — который сажой, который мукой); один мужик стоит с мешком — соломы набито и два кирпича положоно, а другой — полотенце-то прежно нашо-то! эо вѣтканы были! — <д>ак узов на низу-то, а этот край-от кругом руки обвит...

Вот девочку-ту схватят, да: «Пошчупай, какая сыпь?» — раньше ить на мельницах в лодѣице мука бежит, ак от мелкая ли мука, ли хрушкѣя. Вот девочку-ту схватят, да тут эту сыпь-ту и велѣт щчупать. А она как схватит, а эка студена! «Уй!» — взвизжит, да и побежала. Понюхает и тоже стонает всяко: «Уй! Ой!» Вот как если которая упираецца, да не идет, один [«мельник»] ййии мешком-то — раз! — по горбѣ, [а другой] дак етим полотенцем по спине-то — раз! Тут все уш идут девки-те. Всех-всех переберут, ѣдной ни оставят. Ой, визгу-то, смеху-то, забавы-то!»⁹³

Порой «мельница» почти не отличалась от «медведя»:

«Что-нибудь страшное наденут, девок ловят, на полу побьют» (д. Новая Верхов.).

Довольно широко были распространены разновидности «мельницы» с обливанием водой и обсыпанием снегом.

В д. Аверинская ряженные, «приехавшие с мельницей», разыгрывали такую сценку: «Жорнова принесли, поставили среди полу. Один мужик сидит, жорнова крутит. От он молóв, молóв — а тамока набьют кудели в жорнова и подсвítят да закричат шо: «Пожар! Пожар! Мельница горит! Воды надо! Воды!» А тамока вода уж приготовлена, на мосту стоит ушат воды. Как оттоль двери-те отворились, да как оттоль шóрнули ушат-от на пол прямо — заливают пожар это. Вот девки и забегали — в валенках эть, брызги летят. А девок-то не выпускают, оне и бегают по воде-то»⁹⁴.

Очень похожая по смыслу сценка, но с другим сюжетом («кузнецы») была описана в конце прошлого века С. Дилакторским. О связи «кузнецов» и «кузницы», а также «подковывания» со свадьбой (женитьбой) и браком уже неоднократно писали⁹⁵.

«Парень или мужик, раздевшись донага, дает себя привязать к какой-нибудь скамейке, на которой его и вносят в избу. Поместивши скамейку поближе к воронцу, тот, который изображает из себя кузнеца, находясь в таком же обнаженном состоянии, привязывает к ноге лежащего парня или мужика кончик принесенной с собой веревки, другой конец которой перекидывает через воронец и, взявшись руками за свободный конец веревки, начинает ее раскачивать. Это изображает раздувание кузнечных мехов в кузнице.

Затем тот, кто лежит на скамейке, издает из задних своих частей известный звук, тогда «кузнец» начинает неистово кричать, что случился пожар и что его надо затушить, и вдруг с криком выбегает вон из избы за снегом, принеся который начинает им бросать всюду для прекращения пожара. Тут бывает страшный переполох, общая свалка и беспорядок»⁹⁶.

Описанные в данной статье остаточные формы восточнославянского архаического ритуала, имитирующего брак с предком (мертвецом), как показывают исследования последних лет, получили дальнейшее свое развитие в европейской культуре⁹⁷ и, по-видимому, могут быть признаны архетипическими.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данная работа основана преимущественно на полевых материалах, собранных авторами в Вологодской обл. в 1988—1994 гг., и дополнена сведениями, почерпнутыми из центральных и областных архивов. Значительное число текстов публикуется впервые. При цитировании аутентичных текстов учитывались основные особенности, характерные для вологодских говоров. Помимо «оканья», можно указать на мягкое «ц», в том числе и на месте литературного «ч» (кацять — качать), «ё», то есть «о» после мягкого согласного, в безударной позиции (валяёт — валяет), «и» на месте ударного и безударного «е» (заривйт — заревет, пісни піли — песни пели). У некоторых информаторов встречается также замена слабого неслогового «л» на «в», близкое к «ў» (стов — стол, пошов — пошел, повный — полный) и чередование «ч/ц» в позициях, не совпадающих с привычными (отчю-отцу). Для отдельных районов характерен очень широкий и открытый гласный, средний между «э» и «а», в позиции после мягких согласных, чем объясняется непоследовательность в его передаче: вырядяццЕ и вырядяццЯ.

Из морфологических и грамматических особенностей обратим внимание на указательные местоимения «тот», «та», «то», выполняющие роль своеобразного «определенного артикля» при существительных (изба-та, в избу-ту, на избях-тех), а также на возможность употребления кратких форм прилагательных там, где в литературном языке выступают полные формы («наряжухи переменяли рець на грубу и тонку»).

В статье принята следующая система географических отсылок. Поскольку основная часть упоминаемых населенных пунктов относится к району Вологодской области, то для краткости в тексте приводятся только их названия (например: д. Паршино). Если же одноименные деревни или села встречаются в нескольких районах, то рядом с ними в скобках указывается сокращенное название района, например: д. Борисовская (Кирил.) и д. Борисовская (Хар.). Названия деревень, относящихся к остальным областям (кроме Вологодской), приведены в тексте вместе с названиями соответствующего района и области.

Краткие авторские комментарии и разъяснения к отдельным словам и выражениям в рамках цитируемых текстов заключены в квадратные скобки.

В примечаниях указываются данные о собирателе, информаторе и месте записи; в ряде случаев оно не совпадает с местом, о котором идет речь в меморатах (местом рождения или предыдущей жизни рассказчика). Все документированные таким образом материалы хранятся в личных архивах авторов статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 95-06-17237).

¹ «Похороны тарканá» (таракана): зап. Морозовым И. А. и Слепцовой И. С. в 1994 г. в д. Федосово Шацкого р-на Рязанской обл. от Якушиной Анастасии Николаевны, 1916 г. р. и Курцовой Александры Егоровны, 1915 г. р.; *Ивлева Л. М., Ромодин А. В.* Масленичная похоронная игра в традиционной культуре Белорусского Поозерья // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 196—203; *Астров Н.* Крестьян-

ская свадьба в с. Загоскине Пензенского у. // Живая старина. Вып. 3. 1905. С. 455; Самоделова С. А. Рязанская свадьба. Исследование местного обрядового фольклора. Рязань, 1993. С. 296.

² Зап. Морозовым И. А. в 1994 г. в с. Устье-Алексеево от Дерновой Александры Николаевны, 1914 г. р.; в д. Устье-Харюзово от Колосовой Анны Михайловны, 1909 г. р.; в д. Пожарово от Амосовой Натальи Акин-диновны, 1909 г. р.

³ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Крадихино от Летовальцевой Варвары Ефимовны, 1913 г. р.

⁴ Морозов И. А., Слепцова И. С. Праздничная культура Вологодского края. Часть 1. Святки и масленица // Российский этнограф. М., 1993. № 8. С. 31, 202, 250—252.

⁵ Зап. Слепцовой И. С. в 1990 г. в д. Арганово от Суровцевой Клавдии Петровны, 1913 г. р.; зап. Морозовым И. А. в г. Великий Устюг от Тесаловской Агнии Федоровны, 1910 г. р. (родом из д. Аистово).

⁶ Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. С. 409.

⁷ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 25—26.

⁸ ОР ИРАИ, р. 5, к. 108, п. 1, № 1. Рукопись М. И. Шаблыкина «Фольклор дер. Шожма Вологодской губ., Каргопольского у., Мошинской вол.» [1926 г.].

⁹ Морозов И. А., Слепцова И. С. Указ. раб. С. 127, 131, 146 и др.

¹⁰ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Орловская от Загоскиной Татьяны Андреевны, 1907 г. р.

¹¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 300—301.

¹² У куйско-пондальских вепсов до начала века сохранилась и такая архаическая деталь наряда «покойника», как остроконечный колпак (в реальном похоронном обряде остроконечное навершие обычно имел саван). Иногда колпак заменялся ведром (д. Брюшная). Напомним, что остроконечные колпаки (или заостренные головы) — обязательная принадлежность ряженных и «нечистых духов» — шуликунов, поверья о которых широко распространены на Русском Севере (особенно на территории бывших Архангельской и Олонецкой губерний).

¹³ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Цыбуниха от Поповой Анны Алексеевны 1908 г. р.; в д. Концевская от Пантиной Анны Дмитриевны, 1907 г. р.

¹⁴ Зап. Островским Е. Б. в 1991 г. в с. Сямжа от Коровкина Николая Андреевича, 1913 г. р.

¹⁵ Зап. Р. заливой Н. Ю. в 1991 г. в д. Горка (Хар.) от Соколовой Валентины Ивановны, 1926 г. р.; зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Клеменево от Пракшиной Августы Алексеевны, 1906 г. р.; в д. Волокославинское от Малова Павла Федоровича, 1899 г. р.

¹⁶ Зап. Розалиевой Н. Ю. в 1991 г. в д. Сергозеро от Удальцовой Александры Андреевны, 1912 г. р.

¹⁷ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в с. Сямжа от Леденцовой Александры Ильиничны, 1912 г. р.

¹⁸ Ср. сказку о мужике, который подговорил жену притвориться мертвой, а затем, ударив палкой, „оживил“ ее и продал палку своим глупым братьям: *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 1539.

¹⁹ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в д. Тимониha от Чистяковой Софии Михайловны, 1908 г. р.

²⁰ Зап. Смольниковым С. Н. в 1992 г. в д. Большое Раменье от Анкундиновой Александры Михайловны, 1908 г. р.

²¹ *Соколов Б. М., Соколов Ю. М.* Указ. раб. С. 496.

²² *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. М., 1903. С. 17, №7.

²³ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Ереминская (Верхов.) от Хаклиной Лидии Семеновны, 1918 г. р.

²⁴ Зап. Моспаном М. В. в 1988 г. в д. Ереминская (Вожег.) от Николаевой Поликсиньи Николаевны, 1913 г. р.

²⁵ Зап. Слепцовой И. С. в 1992 г. в д. Заречье (Вожег.) от Табриной Анны Николаевны, 1912 г. р. Зап. Морозовым И. А. в 1994 г. в д. Трифоновно (Вашк.) от Кругловой Анны Александровны, 1926 г. р.

²⁶ *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки. Минск, 1992. С. 53.

²⁷ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 718, л. 6.

²⁸ Зап. Минюхиной Е. А. в 1991 г. в д. Коробицино от Вечерининой Натальи Андреевны, 1904 г. р.

²⁹ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Мокиевской от Лапина Михаила Иосифовича, 1913 г. р.; Башкаргиной Марии Асекритовны, 1908 г. р.

³⁰ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в г. Кириллове от Сысоевой Анны Андриановны, 1915 г. р.

³¹ Зап. Слепцовой И. С. в 1992 г. в д. Тарасовская от Коптеловой Руфины Ивановны, 1914 г. р. Приводимые две строки плясовой припевки, вероятно, являются частью текста, который был записан Н. В. Новиковым в этих же местах (д. Мытник) в 1962 г.: «Баба деревеньская, дура, куда ты пошла?»

Уж я тонкая, высокая была,
Уж я разливиста, ухабиста.
Тары-бары, я на рынке была,
Тары-бары, я горелку пила.
Напилася, охмелилася,
За забором повалилася.
Я стояла у соборных у дверей,
Полюбился толстопузый архирей.
Это дело было на́ середине,
Я мешала, бат, на́ солоду.
Не хватало у нее в квашоночке воды,
Подняла ногу и посикала туды,
И посикала, заткнула гвоздем.

«Эту песню выдумал Матюха Кознев» (ОР ИРЛИ, к. 224, п. 2, № 34).

³² Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким В Вологодской губ. / Подготовка текстов Н. В. Новикова. Вологда, 1960, 1960. С. 115, 216.

³³ Зап. Морозовым И. А. в 1989 г. в д. Федоровская от Ильиной Прасковьи Ивановны, 1908 г. р., и Аксеновой Зинаиды Илларионовны, 1929 г. р.

³⁴ Зап. Горбачевой В. И. в 1990 г. в д. Кузьминская (Тарн.) от Самодуровой Раисы Петровны, 1917 г. р.

³⁵ Зап. Минюхиной Е. А. в 1991 г. в д. Монастырская от Игнашевой Клавдии Яковлевны, 1914 г. р.

³⁶ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Фоминская (Верхов.) от Филипповской Александры Максимовны, 1909 г. р.

³⁷ Зап. Моспаном М. В. в 1988 г. в д. Юрковская от Кузьмина Алексея Николаевича, 1910 г. р.; зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Урусовская от Некрасова Николая Арсеньевича, 1928 г. р.

³⁸ Зап. Федоровой А. В. в 1991 г. в д. Коробицино от Осокиной Манефы Ивановны, 1919 г. р.

³⁹ Зап. Смольниковым С. Н. в 1991 г. в д. Новая Слуда от Загоскиной Пелагеи Михайловны, 1907 г. р.

⁴⁰ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Колбинская от Иванчиловой Александры Афанасьевны, 1915 г. р.; зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в д. Кононовская от Мизинцевой Анны Семеновны, 1921 г. р.; ср. еще: *Ивлева А. М.* Рязание в русской традиционной культуре. П., 1994. С. 73.

⁴¹ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в д. Арганово от Суровцевой Клавдии Петровны, 1913 г. р.

⁴² Отметим, что мотив «наматывания шелка», достаточно редкий в русском фольклоре, встречается еще в двух, весьма характерных контекстах. Во-первых, тем, что «кулящий на прявку шовку наматывают», запугивали девушек, не успевших допрясть «урок» до Рождества. Во-вторых, можно вспомнить дожиночные песни, известные в западных русских областях и в Белоруссии: «Ляжить (сидить) казел (мядведь) на капе,/ Дзивуница бараде./ А чья ж гэта барада,/ Уся медам улита,/ Черным шовком увита» (*Романов Е.* Белорусский сборник. Вильна, 1912. Т. VIII. С. 264. Поповская вол., Гомельский у.). Эти песни, певшиеся хозяйину и хозяйке, нередко заканчиваются требованием облизать бороду и расплести (выбрать из нее) шелк. Борода здесь очень многозначный символ, обозначающий как последний пучок (завиток) жита на ниве, так и бороду хозяина и гениталии обоих хозяев (ср.: *Мехнецов А. М.* Песни Псковской земли. Вып. 1. Л., 1989. С. 252. № 388, 389).

⁴³ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Колбинская от Иванчиловой Александры Афанасьевны, 1915 г. р.

⁴⁴ Зап. Смольниковым С. Н. в 1991 г. в д. Тимонинская от Романовой Нины Михайловны, 1910 г. р.

⁴⁵ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XII веке // Краеведческие записки Государственного Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 44—51; *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 43—52; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних

славян. М., 1981. С. 98—108; *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 85—112, 163—166 и др.; *Серов С. Я.* Медведь — супруг (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки) // *Фольклор и историческая этнография.* М., 1983. С. 170—190.

⁴⁶ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в с. Чушевицы от Климовского Александра Николаевича, 1925 г. р.

⁴⁷ Упомянутый в этом описании приговор, возможно, представляет из себя фрагмент текста, записанного в качестве детской прибаутки в окрестностях г. Тотьмы:

Дедо медведь,
Не дери больших,
Дери маленьких,
Косолапеньких,
Кои дома-то сидят,
Саламаты-то едят.

(Загадки, прибаутки и песни околгородных крестьян г. Тотьмы // *Волог. ГВ.* 1864. № 48).

⁴⁸ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 240, л. 52—53. Рукопись С. Дилакторского «Ответы на 229—246 вопросы по программе кн. В. Н. Тенишева. Кадн. у. Вол. губ.».

⁴⁹ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Малое Коровино от Наумова Александра Михайловича, 1911 г. р.

⁵⁰ Зап. Слепцовой И. С. в 1994 г. в д. Матвеевская (Вашк.) от Леонтьевой Анны Филипповны, 1915 г. р.

⁵¹ Зап. Морозовым И. А. в 1994 г. в д. Парфеново от Захарова Павла Егоровича, 1914 г. р.

⁵² Зап. Морозовым И. А. в 1994 г. в д. Парфеново от Богданова Николая Степановича, 1922 г. р., и Журовой Веры Николаевны, 1914 г. р.

⁵³ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Колбинская от Иванчиловой Александры Афанасьевны, 1915 г. р.

⁵⁴ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Федяево от Малова Павла Федоровича, 1899 г. р.

⁵⁵ Зап. Слепцовой И. С. в 1992 г. в д. Бекетовская от Лутковой Александры Николаевны, 1940 г. р., и Луткова Виктора Ивановича, 1935 г. р.

⁵⁶ Зап. Морозовым И. А. в 1992 г. в д. Бекетовская от Ключина Михаила Александровича, 1925 г. р.

⁵⁷ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в д. Арганово от Суровцевой Клавдии Петровны, 1913 г. р.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. Вып. 1. Пг., 1914. С. 270; *Пр(еображен)ский Н. С.* Баня, игрище, слушанье // *Современник.* 1864. № 10. С. 520.

⁶⁰ *Серов С. Я.* Указ. раб. С. 176—177.

⁶¹ *Рождественский Н. В.* К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII века //

Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 2. М., 1902. С. 24.

⁶² Морозов И. А., Слепцова И. С. Указ. раб. С. 212—213.

⁶³ Зап. Веселовой Е. Ю. и Осадчук О. Н. в 1994 г. в д. Паршино Мантуровского р-на Костромской обл. от Несмеловой Александры Васильевны, 1910 г. р. Благодарим Е. Ю. Веселову, предоставившую нам эти материалы.

⁶⁴ Кафуновская Л. Э. Несколько песен Костромской губернии // Музыкальная этнография. Сб. статей под ред. Н. Ф. Финдейзена. Л., 1926. С. 13—14.

⁶⁵ Зап. Розыновой Т. Б. в 1989 г. в д. Блиновская от Набоковой Людмилы Ивановны, 1912 г. р.

⁶⁶ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. СПб., 1903. С. 5, № 7 (села Самохотовка и Даньково). Подобные сценки восходят к белорусской святочной игре, известной под названием «жаницьба Цярешки» или «женицьба Терешки». Похожий вариант см.: Глинкина А. Невольное детство // ЖС, 1994, № 3. С. 45.

⁶⁷ Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Вып. 26. Л., 1991. № 39. С. 177. Ср. сценку «женицьбы» с участием «барина» у С. В. Максимова. Указ. раб. С. 302—303.

⁶⁸ Из воспоминаний о своем детстве крестьянина Сольвычегодского у. Федьковской волости, местности, называемой «Ягрыш» // Волог. ГВ., 1899, № 66, 71.

⁶⁹ РГО, р. 7, оп. 1, д. 56, л. 2—4об. Рукопись Н. Ордина «Собрание разных песен, стихов и описаний игр Сольвычегодского у. Вологодской губ.» [1877 г.]

⁷⁰ Кульчинский А. Очерки крестьянских игр в Сольвычегодском уезде // Волог. ГВ. 1883. № 14.

⁷¹ Морозов И. А., Слепцова И. С. Указ. раб. С. 224—248; Ивлева Л. М. Указ. раб. С. 88, 92—94, 98.

⁷² Стунеев А. Святочные игрища в Ельнинском уезде (Этнографический очерк) // Смоленский вестник. 1889. № 26. С. 2—3.

⁷³ Из воспоминаний... № 66.

⁷⁴ ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 144. Рукопись В. М. Соболевской «Очерки быта кокшаров и приисухонских крестьян». 1920 г.

⁷⁵ Максимов С. В. Указ. раб. С. 298.

⁷⁶ Зап. Морозовым И. А. в 1989 г. в д. Федоровская от Ильиной Праксвии Ивановны, 1908 г. р.

⁷⁷ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 718, л. 2. Рукопись Я. Кузнецова. «Сближение молодежи. Игры. Забавы. Песни».

⁷⁸ РИАМЗ, фонд Этнологического архива Общества изучения Рязанского края, д. 520, № 313, л. 2—3. Рукопись П. И. Волковича «Деды каленые и другие обычаи в селе Шостье».

⁷⁹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 91 (Вязниковский у. Владимирской губ.); Морозов И. А., Слепцова И. С. Указ. раб. С. 29 (д. Коровино Кирил.).

⁸⁰ Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 104; Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 84.

⁸¹ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Середская от Опалихиной Александры Павловны, 1911 г. р.

⁸² Зап. Домрачевой Н. Н. и Шороховой С. Г. в 1994 г. в пос. Ветлужский Костромской обл. от Кулигина Николая Павловича, 1933 г. р. Благодарим собирателей за возможность использовать материалы.

⁸³ Зап. Минюхиной Е. А. и Федоровой А. В. в 1991 г. в д. Чижово от Власовой Юлии Васильевны, 1917 г. р. Образцы произносившихся при этом «хулинок» см., например: *Бойцова Л. Л., Бондарь Н. К.* «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженных // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 192—195.

⁸⁴ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 160б. Рукопись А. И. Сахарова «Этнографические сведения о крестьянах Орловской губ., Карачевского у.».

⁸⁵ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в с. Сямжа от Костиной Валентины Анатольевны, 1916 г. р.

⁸⁶ Зап. Минюхиной Е. А. в 1991 г. в д. Бурниха от Валгасовой Аполлинии Павловны, 1909 г. р.

⁸⁷ *Зеленин Д. К.* Народный обычай «греть покойника» // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 164—178.

⁸⁸ *Морозов И. А., Слепцова И. А.* Указ. раб. С. 149, 201.

⁸⁹ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 369, л. 72—73. Рукопись Н. Миролюбова «Этнографические сведения о крестьянах Мольского прихода Тотемского у.».

⁹⁰ Зап. Слепцовой И. С. в 1991 г. в д. Арганово от Суровцевой Клавдии Петровны, 1913 г. р.

⁹¹ *Чубинский П. П.* Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1872, Т. 1. С. 50—51.

⁹² Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Спирино от Андреева Александра Васильевича, 1911 г. р.

⁹³ Зап. Морозовым И. А. в 1990 г. в д. Ульяновско от Крюковой Натальи Ивановны, 1897 г. р.

⁹⁴ Зап. Морозовым И. А. в 1991 г. в д. Аверинская от Иванчиловой Александры Афанасьевны, 1915 г. р.

⁹⁵ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 465—466; *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. М., 1956. С. 47; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов // Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

⁹⁶ РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 240, л. 56—57об.

⁹⁷ *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 166—186; *Морозов И. А.* Игровые формы свадьбы в системе традиционных «переходных» обрядов // Живая старина. 1995. № 2. С. 21—26.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

Аверинская, д. Сямж.
Аистово, д. В.-Уст.
Аксентьевская, д. Бабаев.
Антоновская, д. Вожег.
Антушево, д. В.-Уст.
Ануфриевская, д. Вожег.
Арганово, д. Сямж.

Бекетовская, д. Вожег.
Беловская, д. У.-Куб.
Биричёво, д. В.-Уст.
Большое Раменье, д. Вожег.
Большое Харюзово, д. Кич.-Гор.
Бор, д. Вожег.
Борисовская, д. Кирил., Хар.
Брызгалово, д. Нюкс.
Брюшная, д. Верхов.
Бугра, д. Хар.
Бурниха, д. Сямж.
Быково, д. Вожег.

Ваномзеро, д. Вашк.
Вантеево, д. Бабаев.
Ваулиха, д. Верхов., Тарн.
Великий Двор, д. Тот.
Великодворская, д. Верхов.
Власьевская, д. Тарн.
Волоцкая, д. Тот.
Высотинская, д. Верхов.

Ганютино, д. Белоз.
Глухарево, д. Вашк.
Горка, д. Сямж., Хар.
Городишна, с. Нюкс.
Григоровская, д. Верхов.
Гридино, д. Сямж.
Гусиха, д. Тарн.

Данилково, д. Верхов.
Демидовская, д. Сямж.
Дивково, д. Кирил.
Дресвяница, д. Верхов.
Дуброва, д. Хар.
Дягилево, д. Хар.

Ездунья, д. Сямж.
Ереминская, д. Верхов., Вожег.

Заборье, д. Бабуш., Тот.
Заречье, д. Вожег.
Зимницы, д. Кирил.
Зыков Конец, д. Тот.

Карачево, д. Белоз.
Клеменево, д. Кирил.
Климовская, д. Вожег.
Кожинская, д. Тот.
Колтыриха, д. Сямж.
Комлевская, д. Тарн.
Конеч-Слободка, д. Белоз.
Кононовская, д. Сямж.
Копоргино, д. Тот.
Коробицино, д. Сямж.
Коровкино, д. Кирил.
Коротковская, д. Тарн.
Крадихино, д. Кич.-Гор.
Кречетово, д. Каргоп. Арх.
Крутец, д. Хар.
Кузовля, д. Бабаев.
Кузьминская, д. Кадуй.
Купалиха, д. Хар.

Липин Бор, С. Вашк.
Лисицинская, д. Сямж.
Лодыгино, д. Тот.
Луканиха, д. Кирил.
Лукинская, д. Сямж.

Малино, д. Кирил.
Малое Коровино, д. Кирил.
Малыгинская, д. Тарн.
Марачевская, д. Тарн.
Маслово, д. Кич.-Гор.
Митькино, д. Белоз.
Мокиевская, д. Верхов.
Мольский прих. Тот.
Монастыриха, д. Нюкс.
Монастырская, д. Сямж.
Мосеево, д. Верхов.
Мякинницыно, д. Верхов.

Надеевщина, д. Кич.-Гор.
Никулинская, д. Сямж.
Никульская, д. Вожег.
Новая, д. Бабаев., Верхов.
Новая Слуда, д. Сямж.
Новец, д. Хар.
Новосело, д. Вашк.
Новоселово, д. Кирил.
Новоселки, д. Кирил.
Ногинская, д. Верхов.

Окатовская, д. Тарн.
Оносово, д. Кирил.
Орлово, д. Белоз.
Основинская, д. Верхов.

Павловская, д. Тарн.
Павшиха, д. Хар.
Панино, д. Вашк.
Паново, д. Кич.-Гор.
Паршино, д. Вашк.
Патракеевская, д. Вожег.
Пахтусово, д. Тот.
Пелевиха, д. Тот.
Пеструха, д. Верхов.
Печенга, д. Тот.
Пигилинская, д. Сямж.
Пиньшино, д. Вашк.
Пирогово, д. Сямж.
Подсосенье, д. Верхов.
Пондала, д. Бабаев.
Починок, д. Бабаев.
Пустошь, д. Вытег.
Пяжелка, д. Бабаев.
Пялнобово, д. Кирил.

Ромашево, д. Кирил.
Росляково, д. Белоз.
Ростово, д. Верхов.
Ротово, д. Кирил.
Рытино, д. Сямж.
Рябьево д. Кич.-Гор.

Самсоновская, д. Сямж.
Сафоново, д. Кирил.

Сафроново, д. Ник.
Сергеево, д. Белоз., Вашк.,
Тот.
Сергозеро, д. Хар.
Середская, д. Тот.
Скурилово, д. Нюкс.
Согорки, д. Сямж.
Спирино, д. Верхов.
Суходворская, д. Верхов.

Тарасовская, д. Вожег.
Тельпино, д. Тот.
Тимонино, д. Кирил.
Тимонинская, д. Сямж.
Токино, д. Вожег.
Трифоново, д. Вашк.
Трубовщина, д. Кич.-Гор.
Тырлынинская, д. Тарн.
Тюшково, д. Кирил.

Устьянские вол., Вельск.

Федотово, д. Тот.
Федяево, д. Кирил.
Фоминская, д. Верхов.

Халдынка, д. Вожег.
Хмелевица, д. Кирил.
Холкин Конец, д. Тот.

Цибунинская, д. Тарн.

Часовное, д. Тот.
Чеваксино, д. Кирил.
Чеченинская, д. Вожег.
Чушевицы, с. Верхов.

Шожма, д. Карг.

Щекино, д. В.-Уст.

Юрковская, д. Вожег.

Ягрыш, с., д. Сольвыч. (Нюкс.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Бабаев.— Бабаевский р-н	Карг.— Каргопольский р-н
Бабуш.— Бабушкинский р-н	Кирил.— Кирилловский р-н
Белоз.— Белозерский р-н	Кич.-Гор.—Кичменгско-Горо- децкий р-н
Вашк.— Вашкинский р-н	Ник.— Никольский р-н
В.-Уст.— Велико-Устюгский р-н	Нюкс.— Нюксенский р-н
Вельск.— Вельский р-н	Сольвыч.— Сольвычегодский у.
Верхов.— Верховажский р-н	Тарн.— Тарногский р-н
Вожег.— Вожегодский р-н	Тот.-Тотемский р-н
Волог.— Вологодский р-н и у.	У.-Куб.— Усть-Кубенский р-н
Вытег.— Вытегорский р-н.	Хар.— Харовский р-н
Кадуй.— Кадуйский р-н	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Волог. ГВ — Вологодские губернские ведомости
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкин-
ский дом)
РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РЭМ — Российский этнографический музей